

**РОССИЙСКИЙ
ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАЦИОНАЛИЗМА**

2013 / 2

Российский журнал исследований национализма

№ 2, 2012

Основан в 2012 году

Учредитель:
Факультет международных отношений
Воронежского Государственного Университета;
Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран

Редакционная коллегия
к.и.н. *И.Б. Горшенева*
доц. *М. В. Курчанов* (отв. ред. ВГУ)
к.и.н. *А. В. Погорельский*
к.и.н. *И. В. Форе*

Editorial Board
Dr. Irina B. Gorsheniova
Maksym W. Kyrchanoff (editor)
Dr. Irina V. Phoret
Dr. Alexander V. Pogorelsky

Адрес редакции
394000, Россия, Воронеж
Московский пр-т 88
Воронежский государственный университет
корпус № 8, ауд. 105

Все материалы, поступающие в Редакцию,
проходят процедуру анонимного рецензирования.

Электронная версия настоящего издания
доступна на официальном сайте Факультета международных отношений
Воронежского государственного университета
<http://www.ir.vsu.ru>

ISSN 2221-0792

Содержание

Статьи

- А. Погорельский*, Развитие национализма в Германской Империи в конце XIX – начале XX века 4
В. Кузнецова, Образ харизматического лидера «Австрийской партии свободы» Йорга Хайдера 12
С. Губаненкова, Вопросы национализма в русской философии начала XX века: проблемы современной интерпретации 19

Нации и национализм: постколониальная перспектива

- Е. Поляков*, Тамильское национальное движение в Индии и Шри-Ланке: между сепаратизмом и терроризмом 26
М. Кирчанов, Проблемы постколониального поворота в ирландских исследованиях 37

Нации и национализм: эссе, публицистика, комментарии

- А. Борщева*, Политическая идентичность и политические процессы в Украине (институт президентства в 1991 – 1996 гг.) 45
Е. Лужкова, Сепаратизм в Бельгии: истоки, особенности, возможные последствия 54

Нации и национализм в Советском Союзе

- Русский национализм: между нацией и классом (1920-е – первая половина 1950-х гг.) 57
Латышский язык в условиях советской оккупации: языковое воображение, лояльность и национализм 64

Переводы

- М. Скрыпник*, Речь на июньском пленуме ЦК КП(б)У 2 – 6 июня 1926 года 87
С. Гирик, Лев Троцкий как идеолог украинского самостийничества (один эпизод из истории IV Интернационала) 91

СТАТЬИ

Александр ПОГОРЕЛЬСКИЙ

РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛИЗМА В ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Национализм играл одну из центральных ролей в политической, культурной и интеллектуальной жизни Германской Империи конца XIX – начала XX века. Основу идеологии германского национализма в этот период определяли три теоретические основания – пангерманизм, культ кайзера и культ армии. В начале XX века в общественное сознание немцев были внедрены идеи агрессивного милитаризма и национализма, которые в дальнейшем активно использовались идеологами германского национал-социализма.

Ключевые слова: Германская Империя, немецкий национализм, пангерманизм, культ кайзера, культ армии

Nationalism played one of central roles in political, cultural and intellectual life of German Empire in the end of the 19th and beginning of the 20th century. The basis of German nationalism ideology in this period was determined by three theoretical paradigms – pan-Germanism, cult of Kaiser, and cult of army. In the beginning of the 20th century the ideas of aggressive militarism and nationalism, which later were actively used by the ideologists of German National Socialism, became important elements of German civic identity.

Keywords: German Empire, German nationalism, pan-Germanism, cult of Kaiser, cult of army

Націоналізм грав одну з центральних ролей в політичному, культурному і інтелектуальному житті Німецької Імперії кінця XIX – початку XX століття. Основу ідеології німецького націоналізму в цей період визначали три теоретичні підстави – пангерманізм, культ кайзера і культ армії. На початку XX століття в суспільній свідомості німців були упроваджені ідеї агресивного мілітаризму і націоналізму, які активно використовувалися ідеологами німецького націонал-соціалізму.

Ключові слова: Німецька Імперія, німецький націоналізм, пангерманізм, культ кайзера, культ армії

В начале XX в. правящие круги Германской империи начали интенсивную подготовку к будущей войне за передел сфер влияния в Европе и мире. Наряду с военной составляющей этих приготовлений «план Шлиффена», велась длительная и кропотливая идеологическая обработка всех слоев населения с целью формирования представления о неизбежности и даже необходимости большой европейской войны, в результате которой Германия займет подобающее ей место в мире. Основу идеологии германского национализма в этот период определяли три составляющие – **пангерманизм, культ кайзера и культ армии.**

Пангерманизм возник в начале XIX века как культурно-политическое движение, в основе которого лежала идея политическо-го единства германской нации на основе этнической, языковой и культурной идентичности. После создания Германской империи идеология пангерманизма стала перенимать идеи социал-дарвинизма. Так возникла идея превосходства германской нации, причём не только над «дикарями» Африки или Юго-Восточной Азии, но и над другими европейскими народами – славянами, романцами (французами). Как писал Йорг Ланц фон Либенфельс, австрийский публицист и журналист: «Великие правители, сильные воины, вдохновленные Богом священники, красноречивые певцы, мудрецы с ясным умом возникли из Германии, священной древней земли богов, вновь посадивших на цепи содомских обезьян, церковь святого духа и священного Грааля поднимется вновь, и земля станет «островом счастья»¹». Он в 1904 году опубликовал книгу «Теозоология», в которой восхвалял «арийскую расу» (германцев) как «народ бога» и предлагал стерилизацию больных и представителей «низших рас». Ланц считал, что необходимо создать мировую систему с «расовым разделением», которая позволит «ариохристианским владыкам» править «темнокожими зверолоудьми».

Официально считалось, что германскому народу принадлежит право на ведущую роль в мире. А война для империи - это способ занять достойное место под солнцем, аналог естественного отбора в человеческой популяции. В итоге в немецкой военно-политической элите **сформировался план «Великой Германии» («Срединной Европы»)**. Этот план был выражен в работах географа Й. Парча (1906) и публициста Ф. Наумана (1915). Под властью Берлина должны были оказаться не только Германия, но и Австрия, Венгрия, Польша, Словакия, Чехия, Швейцария, российская Прибалтика, часть Франции (северо-восток). Под влияние «Великой Германии» подпадали родственная Скандинавия, Балканский полуостров, Малая Азия, Италия, Бельгия и Голландия. Фридрих Науман, по аналогии со Священной Римской империей, считал, что Германская империя должна занимать господствующие позиции в Центральной Европе: «Срединная Европа будет иметь германское ядро, будет добровольно использовать немецкий язык»². По его мнению, малые страны не способны выжить без союза с великими державами, поэтому должны присоединиться к «германскому ядру». У конфедерации должна быть общая оборонная политика и экономическая стратегия, на основе формирования общего рынка Центральной Европы.

Кроме того, «Великая Германия» («Срединная Европа») должна была соединяться с «Германской Центральной Африкой», куда должны были войти Германская Восточная Африка, Германская Юго-Западная Африка и бывшие колонии французов, бельгийцев, португальцев, часть британской Африки. В Китае владения Германии и её сфера влияния должна была значительно возрасти. В Южной Америке, в противовес влиянию Соединенных Штатов, должны были появиться мощные немецкие общины. Российская империя в этих планах представляла врагом Германии, от неё планировали оторвать Прибалтику, Польшу, Финляндию. Определённые планы были на «обустройство» малороссийских губерний, Крыма, Кавказа. Генерал П. Рорбах в работах «Немецкая идея в мире» и «Война и германская политика» утверждал: «Русское колоссальное государство со 170 млн. населения должно вообще подвергнуться разделу в интересах европейской безопасности»³.

В 1912 году генерал Фридрих фон Бернгарди выпустил свою широко известную работу «Германия и будущая война», в которой он писал: «Наши политические задачи не выполнимы и не разрешимы без меча»⁴. Генерал считал, что для приобретения положения, которое соответствует мощи германского народа, «война необходима». Она должна стать основой для будущего империи, а цель войны - добиться мирового лидерства и создать великую колониальную империю, которая обеспечит будущее экономическое развитие и благосостояние германской нации. Бернгарди опровергал тезис фельдмаршала Альфреда фон Шлиффена о том, что война Германии против Франции и России может быть только скоротечной. Он был сторонником жестких методов ведения войны, армия должна была не останавливаться ни перед чем, чтобы нанести поражение врагу и принудить его к капитуляции. Призывал нанести удар первыми. Генерал Бернгарди являлся сторонником социал-дарвинизма во взглядах на историю и политику. Война, заявлял он, это «биологическая необходимость» и выполнение «естественного закона», закона о борьбе за существование. Государства и нации призваны или процветать (прогрессировать), или загнивать (деградировать). Германская империя стоит, в социально-политических, культурных аспектах, во главе человечества, но «зажата в узких, неестественных границах». Поэтому не надо избегать войны, а, наоборот, постоянно к ней готовиться. В войне Германия докажет своё право на существование.

Фридрих фон Бернгарди писал о необходимости раздела «мирового владычества» с Британской империей. С французами он призывал биться не на жизнь, а на смерть, уничтожить Францию как вели-

кую державу. Но главное внимание Германия должна была обратить на восток, на борьбу со славянством, «историческим врагом» германской нации. Славяне, по его мнению, становились огромной силой, подчинили себе огромные территории, которые были раньше под контролем германцев, в том числе и балтийские области. После победы над славянами генерал предлагал провести «великое насильственное выселение низших народов».

Другой идеолог пангерманизма, Гибихенфельд, утверждал: «Без войны не может существовать общественная закономерность и какое-либо сильное государство»⁵. В империи создавались различные националистические организации, движения, вроде «**Пангерманского союза**». Он был создан в 1891 году под названием «Всеобщий немецкий союз» и в 1894 году, по инициативе А. Гинденбурга, переименован в «Пангерманский союз». Союз объединял в своих рядах крупных промышленников, землевладельцев, а также консервативную интеллигенцию и к концу Первой мировой войны насчитывал 40 тыс. членов.

Пангерманисты вели активную общественно-политическую деятельность. Однако «Пангерманский союз» не ограничивался лишь общественной стороной своей деятельности. Создавая свои отделения в протекторатах и колониях, он способствовал усилению германской колониальной экспансии. Кроме того, не без участия «Пангерманского союза» произошел Марокканский и Трансваальский кризисы. Таким образом, пангерманизм как идеология германства способствовала распространению колониальной идеи, превознося немца как носителя культуры и организатора. Идя в авангарде, пангерманизм во многом прокладывал дорогу для действий политиков, для поиска «места под солнцем», подогревал общественное мнение. Выполняя двуединую задачу (организация внутреннего единства и распространение германства), пангерманизм в лице «Пангерманского союза» являлся своего рода одним из важных звеньев в цепи колониальной политики Германии⁶.

В сочетании с призывами к экспансии «Пангерманский союз» открыто проповедовал националистические идеи. Одним из важнейших тезисов пангерманцев была необходимость объединения всех германских народов под крышей одного государства, причем к «братьям по крови» причислялись, например, и буры - потомки голландских переселенцев в Африке⁷. Именно пангерманисты сформулировали военные цели германского империализма. Со страниц газет и журналов они пропагандировали свои идеи экспансии. К. Петерс требовал создания обширной германской колониальной империи. В

дальнейшем это требование нашло своих ярких приверженцев в рядах всех буржуазных партий.

Пангерманисты открыто призывали к войне и не раз провоцировали ее. Это они первые в 1896 году заявили, что Германии необходимо иметь мощный военно-морской флот, и с тех пор без устали пропагандировали свои требования относительно увеличения морских и сухопутных вооружений. «Содействовав успешным подготовлением почвы принятию рейхстагом нового морского закона, «Пангерманский союз» заслужил себе одобрение правящих сфер и его значение быстро выросло в стране»⁸

«Пангерманский союз» добивался милитаризации империи, пропагандировал агрессивную политику Германии, планировал отторжение от Российской империи Финляндии, Прибалтики, Царства Польского, белорусских и украинских областей. Руководитель «Пангерманского союза» генерал-лейтенант фон Врохем провозглашал: «Нации, которая быстрее развивается и мчится вперед, подобно нации немцев, нужны новые территории, и если их невозможно приобрести мирным путем, остается один лишь выход - война»⁹. Филиалом «Пангерманского союза» был «Оборонный союз», во главе которого стояли: генерал Кейм, историк-профессор Мейнеке, профессор А. Вагнер, историк Г. Белов, граф Позадовский и др. Главная деятельность «Оборонного союза» являвшегося в отличие от Пангерманского союза массовой организацией (1913г. в нем было 280 тыс. членов), была направлена на военное обучение своих членов, пропаганду гонки вооружений и увеличения сухопутной армии. Особое внимание «Союз» уделял работе среди учителей и женщин, считая их лучшими проводниками своих идей. Изо дня в день «Оборонным Союзом» громогласно провозглашались и распространялись при помощи пропагандистского аппарата, через газеты и журналы экспансионистские идеи. Также «Пангерманский союз» активно сотрудничал с такими организациями как «Колониальное общество», «Флотский союз», «Морская лига», «Имперское объединение против социал-демократии».

Большая работа проводилась среди молодёжи. Прусский министр образования в 1891 году указывал на необходимость воспитания и обучения молодых людей таким образом, чтобы они «облагораживались энтузиазмом за германский народ и величие германского гения». Создавались различные студенческие, юношеские, детские военизированные организации «Вандерфогель», «Юнгдойчланд бунд», в 1910 году указом кайзера создали «Юношескую армию» («Югендвер»). Эти организации в своих изданиях внушали детям: «Война

прекрасна. Мы должны встречать ее мужественно, это прекрасно и замечательно, жить среди героев в церковных и военных хрониках, чем умереть на пустой постели безвестным»¹⁰. В германских магазинах пользовались большим спросом фотографии кронпринца с его изречением: «Только полагаясь на меч, мы можем добиться места под солнцем. Места, принадлежащего нам по праву, но добровольно нам не уступленного»¹¹. Повторялось высказывание генерал-полковника Мольтке: «Вечный мир – некрасивая мечта»¹². Провозглашалось, что на немцах лежит «историческая миссия обновления дряхлой Европы» и утверждалось «превосходство высшей германской расы».

Франция объявлялась «умирающей», а славяне – «этническим материалом». Хельмут Иоганн Людвиг фон Мольтке (действующий начальник генштаба) писал: «Латинские народы прошли зенит своего развития, они не могут более ввести новые оплодотворяющие элементы в развитие мира в целом. Славянские народы, Россия в особенности, все еще слишком отсталые в культурном отношении, чтобы быть способными взять на себя руководство человечеством. Под правлением кнута Европа обратилась бы вспять, в состояние духовного варварства. Британия преследует только материальные интересы. Одна лишь Германия может помочь человечеству развиваться в правильном направлении. Именно поэтому Германия не может быть сокрушена в этой борьбе, которая определит развитие человечества на несколько столетий». «Европейская война разразится рано или поздно, и это будет война между тевтонами и славянами». «Мы должны отбросить все банальности об ответственности агрессора. Только успех оправдывает войну»¹³.

Нетрудно заметить, что славянофобия и русофобия были важнейшими элементами пангерманизма. Сам кайзер Вильгельм II заявлял: «Я ненавижу славян. Я знаю, что это грешно. Но я не могу не ненавидеть их»¹⁴. В 1912г. он писал: «Глава вторая Великого переселения народов закончена. Наступает глава третья, в которой германские народы будут сражаться против русских и галлов. Никакая будущая конференция не сможет ослабить значения этого факта, ибо это не вопрос высокой политики, а вопрос выживания расы»¹⁵. Пангерманист В. Хен утверждал, что «русские – это китайцы Запада», их души пропитаны «вековой деспотизмом», у них «нет ни чести, ни совести, они неблагодарны и любят лишь того, кого боятся... Они не в состоянии сложить дважды два... ни один русский не может даже стать паровозным машинистом... Неспособность этого народа поразительна, их умственное развитие не превышает уровня ученика немецкой средней школы. У них нет традиций, корней, культуры, на которую они могли

бы опереться. Все, что у них есть, ввезено из-за границы». Поэтому «без всякой потери для человечества их можно исключить из списка цивилизованных народов»¹⁶.

Конечно, далеко не все немцы разделяли идеи пангерманистов. В стране были очень сильны и позиции социал-демократов, которые занимали третью часть мест в Рейхстаге. Однако необходимо напомнить, что отцы - основатели немецкого социализма К. Маркс и Ф.Энгельс сами были яркими русофобами, главным препятствием для победы социализма в Европе они считали «реакционную» Россию и писали, что любая война против нее заслуживает безусловной поддержки. Их последователи, лидеры германской социал-демократии А. Бебель, В. Либкнехт также выступали за то, чтобы «встать на защиту европейской цивилизации от ее разложения примитивной Россией, опередившей всех в терроре и варварстве»¹⁷.

Стремление к войне в Германии стало в полном смысле слова общенациональным. Эти настроения как нельзя лучше соответствовали натуре кайзера с его жаждой славы и склонностью к внешним эффектам. Юридически он являлся конституционным монархом, но фактически ему не смел перечить никто. Вильгельм заявлял: «Немецкую политику делаю я сам, и моя страна должна следовать за мной, куда бы я ни шел»¹⁸. Культ кайзера пронизывал всю жизнь Германии. Он красовался на портретах не только в общественных местах, но и в каждой немецкой семье, изображался в статуях, о нем слагались стихи и песни. Художники, поэты, музыканты соревновались в самой низкопробной лести.

Историк Карл Лампрехт утверждал, что Вильгельм – это «глубокая и самобытная индивидуальность с могучей волей и решающим влиянием, перед которым раскрывается все обилие ощущений и переживаний художника»¹⁹. А выдающийся физик Адольф Слаби выводил доказательства, что не было случая, когда бы кайзер ошибся. Кстати, Вильгельм II с выводами А. Слаби согласился: «Да, это правда, моим подданным вообще следовало бы попросту делать то, что я им говорю; но они желают думать самостоятельно, и от этого происходят все затруднения»²⁰. Перед войной вышла книга «Кайзер и молодежь. Значение речей кайзера для немецкого юношества», где в предисловии указывалось, что Вильгельм – «источник нашей мудрости, имеющий облагораживающее влияние»²¹.

Неизменным оставался и культ армии. Военные обладали в Германии высочайшим статусом. Сталелитейные магнаты, фирмы Тиссена, Круппа, Сименса вкладывали огромные средства в пропаганду

вооруженных сил. Школьники и студенты оценивали себя главным образом с точки зрения способности стать военными.

Таким образом, можно сделать однозначный вывод о том, что уже в начале XX века в общественное сознание немцев были внедрены идеи агрессивного милитаризма и национализма, которые в дальнейшем активно использовались идеологами германского национал-социализма А. Гитлером, Й. Геббельсом и А. Розенбергом.

¹ Цит. по: Самсонов А. Германия на пути к Первой мировой войне. – (<http://topwar.ru/8533-germaniya-na-puti-k-pervoy-mirovoy-voyne.html>)

² Там же. – (<http://topwar.ru/8533-germaniya-na-puti-k-pervoy-mirovoy-voyne.html>)

³ Там же. – (<http://topwar.ru/8533-germaniya-na-puti-k-pervoy-mirovoy-voyne.html>)

⁴ Там же. – (<http://topwar.ru/8533-germaniya-na-puti-k-pervoy-mirovoy-voyne.html>)

⁵ Цит. по: Шамбаров В. Великие войны России XX века / В. Шамбаров. – М., 2010. – С.35.

⁶ Патрушева М. Пангерманизм и колониальная стратегия Германии в кон. XIX – нач. XX вв. / М. Патрушева. – Иркутск, 2001. С.75.

⁷ Там же.

⁸ Флит Ф. К истории пангерманского союза / Ф. дер Флит // Красный архив. – М., 1939. – Т. 1. – С.218.

⁹ Цит. по: Шамбаров В. Великие войны России XX века / В. Шамбаров. – М., 2010. – С.35.

¹⁰ Цит. по: Шамбаров В. Великие войны России XX века / В. Шамбаров. – М., 2010. – С.36.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Цит. по: Шамбаров В. Великие войны России XX века / В. Шамбаров. – М., 2010. – С.36.

¹⁴ Цит. по: Самсонов А. Германия на пути к Первой мировой войне. – (<http://topwar.ru/8533-germaniya-na-puti-k-pervoy-mirovoy-voyne.html>)

¹⁵ Цит. по: Шамбаров В. Великие войны России XX века / В. Шамбаров. – М., 2010. – С.37.

¹⁶ Цит. по: Самсонов А. Германия на пути к Первой мировой войне. – (<http://topwar.ru/8533-germaniya-na-puti-k-pervoy-mirovoy-voyne.html>)

¹⁷ Цит. по: Шамбаров В. Великие войны России XX века / В. Шамбаров. – М., 2010. – С.37.

¹⁸ Там же. – С. 38.

¹⁹ Цит. по: Шамбаров В. Великие войны России XX века / В. Шамбаров. – М., 2010. – С.38.

²⁰ Там же.

²¹ Цит. по: Самсонов А. Германия на пути к Первой мировой войне. – (<http://topwar.ru/8533-germaniya-na-puti-k-pervoy-mirovoy-voyne.html>)

**ОБРАЗ ХАРИЗМАТИЧНОГО ЛИДЕРА
«АВСТРИЙСКОЙ ПАРТИИ СВОБОДЫ»
ЙОРГА ХАЙДЕРА**

Образ и деятельность австрийского политика правой ориентации Йорга Хайдера анализируется в статье. Политическая тактика Й. Хайдера содействовала росту популярности национализма и правых идеологий в Австрии. Автор анализирует причины успеха австрийских националистов. Политическая риторика националистов, рост миграций, страх потери национальной идентичности содействовали успеху националистов.

Ключевые слова: Австрия, национализм, правые партии, Йорг Хайдер, «Австрийская Партия свободы»

The image and activity of Austrian right orientation politician Jorg Heider are analyzed in the article. Political tactic of Jorg Heider assisted to rise of nationalism and right ideologies popularity in Austria. The author analyses the reasons of success of Austrian nationalists. Political rhetoric of nationalists, growth of migrations, and fear of national identity loss assisted to success of nationalists.

Keywords: Austria, nationalism, right parties, Jorg Heider, «Austrian Party of Freedom»

Образ і діяльність австрійського політика правої орієнтації Йорга Хайдера аналізується в статті. Політична тактика Й. Хайдера сприяла зростанню популярності націоналізму і правих ідеологій в Австрії. Автор аналізує причини успіху австрійських націоналістів. Політична риторика націоналістів, зростання міграцій, страх втрати національної ідентичності сприяли успіху націоналістів.

Ключові слова: Австрія, націоналізм, праві партії, Йорг Хайдер, «Австрійська Партія свободи»

Деятельность австрийского политика Йорга Хайдера вывела ультраправое националистическое движение из разряда маргинальных мало кем поддерживаемых образований в пространство реальной игры за голоса избирателей. Его личность характеризуют как пример человека выдающихся способностей в политическом деле. Благодаря индивидуальным качествам Йорг Хайдер смог привести к успеху «Австрийскую Партию Свободы» и затем образовать новую партию «Альянс за будущее Австрии», а также добиться места губернатора Каринтии.

Праворадикальная националистическая «Австрийская Партия Свободы» смогла выдвинуться вперед на поле политической партий-

ной борьбы по нескольким причинам. Во-первых, одной из заслуг «Австрийской Партии Свободы» является то, что вопреки опыту прошлых лет и порицанию мировой общественности Хайдер возродил идеи пангерманского национализма. Йорг Хайдер никогда не скрывал свои симпатии к нацистскому прошлому Австрии. Он учитывал, что для австрийского национального сознания характерно неоднозначное отношение к результатам Второй мировой войны и играл на оскорбленном чувстве исторической гордости. Так, Хайдер провозгласил снятие ответственности с Австрии за преступления нацизма во время Второй мировой войны. Сопутствующий его заявлению рост национализма в лозунгах партии уже не был таким неприемлемым.

Во-вторых, довлеющей причиной успеха «Австрийской Партии Свободы» была общая усталость австрийцев от долгого правления коалиции двух партий - «Австрийской Народной Партии» и «Социал-демократической Партии Австрии». С 1980-х годов лишь четырьмя партиям удавалось на федеральных выборах завоевывать достаточно голосов, чтобы быть представленными в парламенте¹. Помимо представленных в коалиции партий с демократическим нерадикальным уклоном, к деятельности в парламенте Австрии избирателями была допущена также партия «Зеленые». «Австрийская Партия Свободы» составляла естественную конкуренцию множеству левых социалистических партий. Австрийцы постепенно дистанцировались от национал-социалистического прошлого, но имея в своей ментальности черты национальной гордости, искали новую идеологию, в которой бы было меньше социализма, но больше национализма. По этому параметру «Австрийская Партия Свободы» подходила избирателям в качестве свежей политической силы.

Вторая причина выхода «Австрийской Партии Свободы» на арену серьезных политических дебатов плавно выливается в третью: праворадикальная националистическая партия Хайдера нравилась австрийцам как идеологически, так и в качестве импульса для старой застоявшейся конструкции власти в Австрии. Долгий период правления одной коалиции «приелся» австрийцам, которые по примеру всей Европы вступали в фазу многочисленных социальных трансформаций, и они начали искать новое политическое движение. Волеизъявление некоторого числа граждан Австрии носило протестный оттенок и было направлено против существовавшей коалиции. Йорг Хайдер сумел вовремя подхватить зревшее недовольство и эффективно использовал в своей предвыборной программе агитацию, направленную против австрийского истеблишмента. Общество привлекла альтернативная установленной системе «Австрийская Партия Свободы».

В-четвертых, взгляды Хайдера и его соратников соответствовали переживаниям австрийцев по поводу утери национального суверенитета в свете новых интеграционных процессов. Программа «Австрийской Партии Свободы» включала в себя идеи об ограничении вмешательства ЕС в дела Австрии. Нахождение в составе ЕС рассматривалось этой праворадикальной партией как гнетущее. Хайдер представлял европейский интеграционный блок как добровольный союз и видел международные отношения в Европе свободными, без принуждения и обязательств. Внешнеполитический курс Австрии должен быть ориентирован, прежде всего, на защиту и сохранение интересов государства. Объединение Европы может быть только на основе солидарности независимых народов со своими культурными идентичностями, языками, представлениями о мире. Более того, ЕС является площадкой для отстаивания своих национальных интересов на международной арене.

Совокупность причин, связанных со сложной ментальностью австрийского народа и с реакцией отторжения доминирующих политических структур, позволила праворадикальной националистической «Австрийской Партии Свободы» занять свое место среди политических сил Австрии. Инструментарий, которым пользовался Хайдер для донесения публике националистических идей, полностью заимствован из методики популистского стиля. Зачастую, между его обещаниями в разных конкретных выступлениях перед населением существовали сильные противоречия. Но Хайдеру, обладавшему незаурядной харизмой, удавалось сглаживать острые углы, при том, оперируя радикальными идеями. Его образ политика, к которому все без исключения испытывают симпатии, выработывался годами. Будучи студентом, почувствовав интерес к политике, Хайдер возглавил молодёжное крыло «Австрийской Партии Свободы» - самой консервативной на тот момент партии Австрии². Его успехи в карьере развивались молниеносно. В возрасте 29 лет он стал самым молодым из 183 членов австрийского федерального парламента, в то время как «Австрийская Партия Свободы» набирала не более 5-6% голосов избирателей³.

Затем он возглавил внутрипартийное восстание, направленное против консервативно-либерального характера идеологии партии. Став лидером «Австрийской Партии Свободы», он поменял общий курс партии, раскритиковав ее за сотрудничество с социал-демократами. Следующий его успех подпортили скандалы, связанные с его нескрываемым уважением к старому нацистскому режиму. В 1989 году Хайдер возглавил коалиционное правительство Каринтии. Но его партнеры по коалиции не разделяли любовь Хайдера к фаши-

стскому прошлому Австрии. В итоге, коалиция распалась, а Хайдеру пришлось уйти в отставку. Вершиной карьеры Хайдера стало блестящее выступление его партии на парламентских выборах 1999 года⁴. Избирательная кампания была посвящена социально-экономическим вопросам. Были затронуты проблемы безработицы, повышения зарплат и пенсий. Особое внимание уделялось антииммиграционной политике и противодействию европейской интеграции. Для избирателя были также интересны личные особенности характера Йорга Хайдера.

«Австрийская Партия Свободы» заняла позиции крайне правого крыла. В программе четко обозначался националистический уклон. Практически националистические ценности должны были поддерживаться, по мнению «Австрийской Партии Свободы», посредством таких инструментов как: прекращение иммиграции и отказ от вступления в Евросоюз. Эти предложения находили отклик у населения Австрии, и доля «Австрийской Партии Свободы» на федеральных выборах выросла с 5 % в 1986 до 27 % в 1999 году⁵. Большая часть этого результата принадлежит правильно сформированному популистскому стилю ведения политической дискуссии Йорга Хайдера. Апеллируя к широким народным массам, лидер «Австрийской Партии Свободы» смягчил свои позиции по многим вопросам и оттолкнулся от своих крайних экстремистских высказываний. Например, самое осуждаемое его отношение к Третьему Рейху он полностью пересмотрел и извинился перед жертвами нацизма за свои прежние симпатии нему. Для закрепления положительного образа в глазах избирателей, Хайдер отвлекся от сугубо националистических позиций и признал, что австрийцы не являются отдельной нацией, а этнически принадлежат к немцам.

Также Хайдер взял обязательство защищать интересы Австрии в Евросоюзе, обещая следить за тем, чтобы членство страны в ЕС принесло ей пользу. Хайдер поменял свое отношение и к иммиграционному вопросу, по его мнению, иммигрантов можно использовать для процветания экономики Австрии. Двусторонний диалог влечет за собой некоторые преимущества, поэтому приезжие могут принести пользу. Огромную роль в положительном восприятии лидера «Австрийской Партии Свободы» сыграли его навыки ведения диалогов с политическими противниками. Его стиль выступления на теледебатах затмевал речи оппонентов. Зачастую, Хайдер ставил соперников в тупик, демонстрируя их некомпетентность в ряде вопросов.

В дебатах с противниками, Йорг Хайдер пытался найти точки соприкосновения, позиции, которые роднят противоборствующие стороны. Так, «Австрийская Партия Свободы» и «Австрийская Народная

Партия» сходны в мыслях об уменьшении налогообложения предпринимателей среднего класса, приватизации, жесткого контроля над финансовыми расходами государства. Общее у «Австрийской Партии Свободы» и «Социал-демократической Партии Австрии» содержится в их предложениях по борьбе с безработицей и социальными реформами. Личной заслугой Йорга Хайдера в становлении «Австрийской Партии Свободы» является то, что он смог объединить достаточно раздробленное движение, с сильными внутренними противоречиями. Привлеченные его лидерскими качествами, на его сторону стали последователи несовместимых политических движений – нацисты и либералы. Нацистские партии в Австрии под запретом, но приверженцы таких идей все-таки есть, и они устремились в лоно «Австрийской Партии Свободы», которая разделяет националистические настроения. Сторонники либерализма, ранее голосовавшие за «Социал-демократическую Партию Австрии» и «Австрийскую Народную Партию» обратили внимание именно на партию Хайдера. Также, Хайдер привлек к себе большую протестную группу против коалиции этих двух партий.

«Австрийская Партия Свободы» получила возможность формировать правительство вместе с «Австрийской Народной Партией». Но вторая партия поставила условие, что сам Хайдер должен быть исключен от работы в правительстве. Тем не менее, факт того, что впервые за все послевоенное время к власти в Европе пришла партия, воспринимавшаяся не как ультраправая, а как неонацистская, взбудоражил европейскую общественность. ЕС ввел санкции против Австрии. Бывший лидер «Австрийской Партии Свободы» Йорг Хайдер возмущался тем, что ЕС бездействовал в отношении кавказского вопроса в России, но вмешивался в результаты демократического волеизъявления австрийских граждан.

Европейский истеблишмент и СМИ называли Хайдера «популистом-выскочкой», несерьезным игроком для серьезной политической игры, а его идеи – разрушающими принципы европейского интеграционного объединения. Австрия оказалась в опале Евросоюза, из-за того что «Австрийская Партия Свободы» вступила в коалицию с «Австрийской Народной Партией». Для Европы возник вызов в лице Хайдера, так как в европейской политической школе считалось неприемлемым допускать к управлению государством националистически настроенных радикалов. Евросоюз, ставящий интеграцию выше национальных суверенитетов, т.е. придерживающийся кардинально противоположного взгляда на национализм, объявил Австрии бойкот. Временная изоляция заставила Йорга Хайдера сложить с себя полномочия

формального лидера «Австрийской Партии Свободы», хотя фактически он продолжал свою координационную работу в партии. Победа «Австрийской Партии Свободы» на парламентских выборах показывает пример подъема праворадикальных националистических настроений у части населения, поддерживающей антииммигрантскую риторику. Также, немаловажно, что европейский истеблишмент пересмотрел установки на крайне правую идеологию как недопустимую в политическом процессе.

Полоса везения для «Австрийской Партии Свободы» прошла в сентябре 2002 г., когда несколько членов партии решились на внутрипартийный переворот⁶. Разногласия внутри партии привели к тому, что три ведущих члена кабинета от АПС подали в отставку. Ситуация нестабильности в партии повлекла за собой парламентский кризис, который потребовал внеочередных федеральных выборов в ноябре 2002 г. В итоге, электорат «Австрийской Партии Свободы» перешел на сторону «Австрийской Народной Партии». Популярность праворадикальной партии Хайдера резко упала с 27 до 10%, и только на региональных выборах в Каринтии, где Йорг Хайдер с 1999 г. и до своей гибели в 2008 г. занимал пост избранного губернатора, «Австрийская Партия Свободы» оставалась по-прежнему широко представленной⁷.

Внутренняя неустойчивость партии вынудили Хайдера искать новые пути для развития своего политического правопопулистского потенциала. В 2005 г. он образовал новую партию – «Альянс за будущее Австрии»⁸. Предвыборная программа новой партии Хайдера отвечала запросам австрийцев о возвращении старой Европы и даже больше: «Альянс за будущее Австрии» выступал с предложением введения привилегий для старых членов ЕС. Также пунктами программы были ограничение иммиграции, упор в экономике на сельское хозяйство, жесткое налогообложение доходов и урезание валютных спекуляций.

«Альянс за будущее Австрии» создал естественную конкуренцию «Австрийской Партии Свободы». Уже новая партия Йорга Хайдера входила в коалицию с «Австрийской Народной Партией», тем самым препятствуя дальнейшему процветанию и продвижению старого праворадикального националистического образования. Раздел влияния двух почти одинаковых партий спровоцировал взаимную потерю голосов на федеральных выборах 2006 года⁹.

Пришедшая к успеху благодаря популистскому стилю и харизме Йорга Хайдера «Австрийская Партия Свободы» полностью потеряла свою популярность среди избирателей в ходе борьбы с другим детищем своего наставника – с «Альянсом за будущее Австрии». В то же

время, и новое политическое образование Хайдера не привлекло к себе большой поддержки населения. Сам Хайдер вернулся в Каринтию и занимал там пост губернатора вплоть до внезапной смерти в автомобильной катастрофе в 2008 году¹⁰.

Во времена деятельности Йорга Хайдера стало возможно формирование националистических политических партий в привычном виде, их позиционирование в легальном политическом поле, активные попытки участия в выборах. Хорошая организация партийной работы позволила отойти от имиджа крайне правых партий как профашистских, маргинальных. Праворадикальные партии получили право полного участия в политической жизни страны. Начало легализации праворадикальных националистических партий связано с именем Йорга Хайдера и образом, который он создал на политической арене Австрии.

Пример успеха Йорга Хайдера выявил интерес политически активного населения к новым импульсам, находящимся больше в медийном пространстве, чем в теоретических рамках классической школы политики. Харизматичность в сочетании с популистическим желанием быть принятым всеми, понравиться каждому показывает хорошие результаты ведения политической игры. Вдобавок, большое значение имеет способность уловить те или иные настроения в массах, увидеть к чему склонно большинство.

¹ Экономико-географическая характеристика Австрии. –

(http://avdeev.professorjournal.ru/c/document_library/get_file?uuid=917e492f-d358-4ec0-9cd0-3100ff53c15f&groupId=199532)

² Йорг Хайдер. – (<http://right-world.net/persons/jorg-haider>)

³ Йорг Хайдер. – (<http://right-world.net/persons/jorg-haider>)

⁴ Австрия. Парламентские выборы 1999. – (<http://www.electoralgeography.com/new/ru/countries/a/austria/1999-parliament-elections-austria.html>)

⁵ Йорг Хайдер. – (<http://right-world.net/persons/jorg-haider>)

⁶ Йорг Хайдер. – (<http://right-world.net/persons/jorg-haider>)

⁷ Там же.

⁸ Альянс за будущее Австрии. – (<http://right-world.net/countries/austria/bzo>)

⁹ Там же.

¹⁰ [Лидер австрийских ультраправых Йорг Хайдер погиб в автокатастрофе]. – (<http://www.newsru.ru/world/11oct2008/hay.html>)

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ НАЧАЛА XX ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Автор анализирует проблемы национализма в русской философии начала XX века. Особое внимание уделено проблемам национализма в работах Ивана Ильина. Ильин анализировал национализм как сложный феномен. Философ выделял политический и этнический национализм. Ильин полагал, что религия является одним из важнейших элементов в развитии национализма.

Ключевые слова: национализм, нации, русская философия, русский национализм, Иван Ильин

The author analyses the problems of nationalism in Russian philosophy of beginning of the XX century. The special attention is paid to the problems of nationalism in works of Ivan Il'in. Il'in understood nationalism as complex phenomenon. The philosopher divided nationalism in political and ethnic. Il'in supposed that religion was one of major elements in development of nationalism.

Keywords: nationalism, nations, Russian philosophy, Russian nationalism, Ivan Il'in

Автор аналізує проблеми націоналізму в російській філософії початку XX століття. Особлива увага надана проблемам націоналізму в працях Івана Ільїна. Ільїн аналізував націоналізм як складний феномен. Філософ виділяв політичний і етнічний націоналізм. Ільїн вважав, що релігія є одним з найважливіших елементів в розвитку націоналізму.

Ключові слова: націоналізм, нації, російська філософія, російський націоналізм, Іван Ільїн

Проблема национализма в современной России не теряет своей актуальности. Несмотря на то, что данная категория в настоящее время находится в центре внимания общественности и научного сообщества, и довольно активно разрабатывается, в ней остаётся много белых пятен. В литературе присутствуют разные взгляды и подходы к пониманию национализма, порой совершенно неоднозначные, и такая же широта диапазонов в типологизации этой категории.

Существует целый спектр мнений и позиций согласно которым национализм трактуется в негативном смысле, часто как превосходство своей нации над другими, приближаясь в этом значении по смыслу к расизму, шовинизму и ксенофобии. Известный составитель словарей русского языка С.И.Ожегов определяет национализм как «идеологию и политику, исходящую из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим»¹. Автор жил и работал в начале XX века, но его толкование широко распространено и в настоящее

время. Большинство словарей характеризуют национализм в подобном ключе. Оно имеет ярко выраженный негативный оттенок с акцентом на национальном антагонизме и национальной замкнутости.

Однако, данный феномен имеет более глубокое историческое толкование. Он является продуктом новейшего времени. Сам термин ввели в употребление в XIX веке Гердер и Баррюэль. На протяжении долгого периода времени идеология национализма обеспечивала мобилизацию населения для достижения общих целей – период перехода к капиталистической экономике, борьба за национальную независимость и национальное освобождение под лозунгом, которых происходили национально-освободительные движения. Национализм представлен многочисленными направлениями.

Наиболее распространённой является классификация, предложенная Х.Коном, который выделял политический (гражданский) и этнический национализм². Первый определяет, что легитимность государства определяется степенью представленности государством воли нации. В свою очередь, воля нации проявляется в участии граждан в политическом процессе, возможности влиять на него, утверждении идеи о нации и народе в качестве согражданства, появлении общего самосознания и культуры, при сохранении этнического, религиозного разнообразия. Внутри гражданского национализма выделяют разные подвиды.

Этнический национализм рассматривает нацию «высшей формой этнической общности (тип этноса в отечественном общественном сознании), обладающей исключительным правом на обладание государственностью, включая институты, ресурсы и культурную систему»³. В зависимости от целей и форм своего проявления он может носить разный характер – культурный или политический. Культурный этнонационализм ориентируется на сохранение этнической целостности и самобытности, ориентации на национальные традиции, язык, культуру и их сохранение, пропаганду исторического наследия. В этом смысле он имеет вполне положительное значение, в том случае, если не выступает за культурную изоляцию, отрицание прогресса и модернизации, не имеет ничего против других культур и народов. В данном значении такой национализм очень близок к патриотизму, т.к. проповедует верность своей нации, труд ради блага собственного народа, национальное самосознание, культурный и духовный рост, отстаивание собственных национальных духовных ценностей, защиту своей территории проживания, её ресурсов, необходимых для жизни нации.

Политический этнонационализм ориентируется на обеспечение преимущества одной этнической группы в ущерб другим во всех сфе-

рах общественной жизни, культурную изоляцию, и исключают ассимиляцию с другими этническими общностями. Очень часто обретает крайние формы – сепаратизм, экстремизм, шовинизм, ксенофобию.

К сожалению, в России чаще всего национализм ассоциируется лишь с крайними формами этнической, культурной, религиозной и иной нетерпимости и национальной исключительности, что, несомненно, должно осуждаться и пресекаться, и крайне мало говорится и пишется о других сторонах данного явления, ином понимании его сущности. Однако, национализм не всегда может рассматриваться лишь в негативном аспекте его проявления. Подобную мысль высказал в 2008 году В.Путин на совместной конференции с канцлером Германии А.Меркель, назвав себя и Д.Медведева «националистами в хорошем смысле этого слова», что вызвало бурное обсуждение в прессе. Однако, мы плохо знаем историю собственной страны, т.к. мыслители конца XIX – начала XX вв. сущность национализма, его виды и проявления рассматривали несколько иначе, чем в современном обществе.

Для них, в первую очередь, понятие национализма это духовная, культурная категория, не сводимая к чисто этническим характеристикам, как это обычно трактуется в современном массовом сознании. В частности, И.Ильин категорию национализма связывал с формированием национальной идеи, любви к своему национальному достоянию, родине, народу, государству. «Национализм испытывает, исповедает и отстаивает жизнь своего народа, как драгоценную духовную самоси-
янность»⁴.

Он проповедовал идеи веры и любви не только народа к собственной истории, культуре и их своеобразию, но и любви и уважения, веры в собственные силы народа, его духовность. Необходимо утверждать в народе чувство собственного достоинства, понимание его глубинных национальных особенностей, его достоинств и недостатков, исторической проблематики. Это национальное чувство предопределяет систему поступков совершаемых людьми, толкающие их к служению своей стране, даже определенным жертвам во имя неё, и в конечном итоге приводит народ к духовному расцвету. Всё это вместе взятое и получило название «национализма».

Русский национализм, по И.Ильину, есть тот источник, который не только объединяет людей в момент национальной опасности, но и основа государственного правосознания, связывающее народ в единое целое, в «государственное единство». Всё, что было создано русским народом – музыка, живопись, наука, особенности национального ха-

рактера – получило свою уникальность именно благодаря его национальному духу, отличающемуся от европейской психологии.

Поэтому, идея русского национализма это, в первую очередь, отстаивание собственной культурной и цивилизационной самобытности, утверждение патриотизма и отстаивание собственных национальных интересов, а не денационализация и вестернизация, которые душат национальное своеобразие и «убивают» индивидуальность народа. Вследствие этого, философ рассматривает Россию как «национальное государство, ограждающее и обслуживающее русскую национальную культуру ... Россия вернётся к свободному самоутверждению и самостоянию, найдёт свой здравый инстинкт самосохранения, примирит его со своим духовным самочувствием и начнёт новый период своего исторического расцвета»⁵.

Эти строки относились к критике советского государства, возникшего на обломках царской России. Политику советской власти И.Ильиным была совершенно неприемлема. Поэтому, действия советского руководства он расценивал как лишение русского народа его национального достоинства и национального духа. Однако, вера в чувство собственного достоинства, духовность россиян, им не была утрачена. Благодаря этому, им делался вывод, что попытки заглушить национальную самобытность русского народа неизбежно потерпит неудачу и рано или поздно трансформируется в так называемый новый русский национализм – духовное самопознание, понимание собственного культурного своеобразия и отрицание единообразия.

Наоборот, мыслитель утверждает идею многообразия и равноправия совершенно разных народов, их стандартов культурной, социальной, экономической, политической жизни; естественности того, что у каждого народа особый душевный склад. «Так нам всем дано от Бога. И это хорошо.. И каждому народу подобает – и быть, и красоваться, и Бога славить по-своему. И в этом многообразии и многогласии уже поёт и возносится хвала Творцу; и надо быть духовно слепым и глухим, чтобы не постигать этого»⁶.

Рассматривая религиозную составляющую национализма, И.Ильин, будучи глубоко религиозным человеком, обосновывает мысль, что христианство принесло миру идею метафизического своеобразия человека и народа. Поэтому, Бог один во вселенной, несмотря на многообразие имён; его благословение идёт ко всем народам, каждому на его собственном месте, со своим языком и национальным даром. Эти идеи, продекларированные в 1950 году, позволяют оценивать и события современности, связанные с процессами глобализации, регионализации, толерантности, плюрализма и т.д.

Поэтому, в сознании представителей русской культуры начала 20 века национализм проявлялся в национальном самосохранении, что должно находить своё отражение в действиях народа, облагораживать его поступки. «Этот инстинкт должен не дремать в душе народа, но бодрствовать... Он должен иметь свои проявления в любви, жертвенности, храбрости и мудрости; он должен иметь свои празднества, свои радости, свои печали и свои моления. Из него должно родиться национальное единение... Он должен гореть в национальной культуре и в творчестве национального гения»⁷. Тем не менее, помимо такой положительной и необходимой роли национализма, существуют и другие формы, которые И.Ильин называет болезненными и извращёнными видами национального чувства и национальной политики.

И.Ильин выделяет из всего многообразия два основных. «Эти извращённые формы могут быть сведены к двум главным типам: в первом случае национальное чувство прилепляется к неглавному в жизни и культуре своего народа; во втором случае оно превращает утверждение своей культуры в отрицание чужой»⁸. В рамках первого типа деградирующего национализма, по мысли философа, искажается сама сущность – духовная, культурная основа народа, в центр внимания попадают лишь внешние проявления жизни этноса – экономические достижения, политическая мощь, размеры государства, завоевательные успехи нации.

В результате, дух народа оказывается всего лишь средством, орудием политики, а сама духовная составляющая культуры народа не ценится, отдаваясь на откуп политическим целям. Мыслитель приводит примеры, когда именно внешние проявления жизнедеятельности народа определяют тот или иной курс государства, детерминированный ложным национализмом, представители которого либо удовлетворяются экономическими успехами государства, либо мощью государственной организации, либо успехами своей армии в завоевательных походах. Такие ложные формы национализма деградируют всё больше, вследствие отсутствия сдерживающих духовных начала.

Другой неправильной формой национализма является отрицательное, презрительное отношение к другим народам и культурам, что влечёт за собой нелепое утверждение будто «национальное бытие других народов не имеет перед моим лицом никаких оправданий»⁹. Данный вид национализма, рассуждает И.Ильин, в первую очередь, имеет психологический и духовный фундамент – наивную веру в собственную культурную исключительность, этнические особенности национальной психологии, а также жажда власти, узость мышления этнических групп и, конечно же, неразвитость, неодухотворённость

духовного народного акта. Такое восприятие национализма легко может привести к агрессивной завоевательной политике народа.

Схожую мысль высказывал князь Трубецкой Н.С., представитель евразийского движения, в своей статье «Об истинном и ложном национализме», где он подробно исследует психологию, национальный характер разных народов и приходит к выводу, что патриотизм, «истинный национализм» состоит не в навязывании другим этносам своих представлений, политических норм и институтов и не в заимствованиях у чужих наций их политических традиций, а в первую очередь в самопознании собственной истории и культуры.

В качестве примера такого ложного национализма он приводил политику и сознание европейцев. Отношение человека к собственной политической и культурной традиции может быть различным. Характеризуя национальную психологию романогерманцев (европейцев) мыслитель называет её эгоцентрической, отмечая, что «человек (этнос) с ярко выраженной эгоцентрической психологией бессознательно считает себя центром вселенной.... Поэтому, всякая естественная группа существ, к которой этот человек принадлежит, признается им самой совершенной. Его семья, его сословие, ... его раса – лучше всех остальных, подобных им»¹⁰.

Данная психологическая установка, по мнению философа, проецирует соответствующую установку по отношению к другим народам и их культурам. Это предопределяет два возможных вида отношения: узкий национальный шовинизм (признание исключительности культуры той этнической общности, к которой принадлежит соответствующий оценивающий субъект) и общероманогерманский шовинизм, который сами европейцы называют космополитизмом (признание исключительной ценности, совершенства не узко этнической культуры, а общая сумма наиболее родственных ей культуры и народов). Вследствие этого, Н.С.Трубецкой, формулирует вывод, близкий с мыслью И.Ильина – уйти от эгоцентризма, собственной национальной и культурной исключительности и заняться самопознанием. Именно последнее поможет этносу или его отдельному представителю понять своё место в мире, соотношение своей этнической группы со всеми остальными, проживающими на земном шаре, исключая идею верховенства какой-либо нации и её культуры, стандартов и форм жизни. «Но это же самопознание приведет его и к постижению природы людей (или народов) вообще, к выяснению того, что не только сам познающий себя субъект, но и ни один другой из ему подобных не есть центр или вершина. От постижения своей собственной

природы человек или народ путем углубления самопознания приходит к сознанию равноценности всех людей и народов»¹¹.

Такое внутреннее самопознание будет способствовать распространению и утверждению истинной формы национализма, заключающейся в утверждении самобытной национальной культуры, отрицание навязывания своей политико-культурной традиции другим этносам и раболепия, преклонения, духа подражательства перед иными народами. Истинный национализм, в представлении философа, всегда исповедует дух миролюбия и терпимости к другим народам, отрицает собственное национальное превосходство, тщеславие и, конечно же, исключает национальное и культурное обособление. Скорее наоборот, националист будет улавливать положительный опыт других этнических общностей в разных сферах общественной жизни и сможет приспособить его к своей национальной традиции.

Таким образом, национализм имеет долгую историю своего развития, разнообразные подходы к сущности и течениям внутри данной идеологии и политической практики. Для понимания современных процессов, происходящих в России и мире необходимо обращаться к идеям мыслителей прошлого, активнее внедрять их опыт и представления в общественное сознание и практику повседневной жизни.

¹ Толковый словарь русского языка С.И.Ожегов. М., 1990. – (<http://www.ozhegov.org/words/17949.shtml>)

² Кон Х. *Идея национализма / Х. Кон // Ab Imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве.* – 2001. – № 3. – С. 419.

³ Новая философская энциклопедия / под ред. В.С.Стёпина. – М., 2001.. – (http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/НАЦИОНАЛИЗМ)

⁴ Ильин И. *О русском национализме / И. Ильин.* – М., 2007. – С. 35.

⁵ Там же. – С.30.

⁶ Там же. – С.32.

⁷ Там же. – С.34.

⁸ Там же. – С.37.

⁹ Там же. – С. 38.

¹⁰ Трубецкой Н.С. *Об истинном и ложном национализме / Н.С. Трубецкой.* – (<http://www.nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod-NST-nac.php>)

¹¹ Там же. – (<http://www.nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod-NST-nac.php>)

НАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗМ: ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Евгений ПОЛЯКОВ

ТАМИЛЬСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИНДИИ И ШРИ-ЛАНКЕ: *между сепаратизмом и терроризмом*

В данной статье автор рассматривает положение тамиллов в современной Индии и Шри-Ланке, причины возникновения тамильского национального движения и его перспективы. Особое внимание уделено эволюции тамильского национализма и замене политических (сепаратизм) на вооруженные (терроризм) средства и метода борьбы.

Ключевые слова: Тамилнад, Шри-Ланка, Индия, Тамильские тигры, тамилы, сингалы, сепаратизм, террор

In this article, the author examines the situation of Tamils in modern India and Sri Lanka, the cause of the Tamil national movement and its prospects. Particular attention is paid to the evolution of Tamil nationalism and political change (separatism) to armed (terrorism) means and methods.

Keywords: Tamil Nadu, Sri Lanka, India, Tamil Tigers, Tamils, Sinhalese separatism, terror

У статті автор розглядає стан Таміла в сучасній Індії і на Шрі-Ланці, причини виникнення національного руху Таміла і його перспективи. Особлива увага надана еволюції націоналізму Таміла і заміні політичних (сепаратизм) на озброєні (тероризм) засоби і методи боротьби.

Ключові слова: Тамілнад, Шрі-Ланка, Індія, тигри Таміла, Таміл, сингали, сепаратизм, терор

Тамилы представляют собой один из многих так называемых разделенных народов. Это значит, что большая их часть проживает по обе стороны государственной границы между Республикой Индия и Республикой Шри-Ланка. К числу разделенных народов также относятся, например, курды, ирландцы, сербы, а на постсоветском пространстве – осетины и лезгины.

Желание разделенных народов добиться независимости и построить национальное государство, по понятным причинам, встречает противодействие тех государств, в которых они проживают, поэтому

для таких народов типично обращение к политическому террору как средству достижения целей.

В прочем, только лидерам национально-сепаратистских движений террор видится эффективным методом. Правительства «больших» стран, и что еще важнее (хотя и не сразу) – национальные общины с ними не согласны. Террор не привел к объединению Ольстера и Ирландии, независимости Басконии и созданию Курдистана. Поиску ответа на вопрос, почему так происходит (на примере так и не возникшей на карте мира «Стране тамиллов» – Тамил Илам) и посвящена данная статья.

Субрегион «Южная Индия – Цейлон» представлен государством Шри-Ланка и частично – Республикой Индия, а именно, ее четырьмя штатами и одной союзной территорией. Интересующий нас штат Тамилнад (Tamil Nadu) расположен на самом юге и граничит с Кералой на западе, Карнатакой и Андхра Прадешем на севере, Пудучери на востоке и округом Джафна (Шри-Ланка) на юге. Несмотря на значительные миграции населения (особенно на запад и в ЮАР), большая часть обеих тамильских общин, по-прежнему, проживает в историческом регионе формирования данного народа.

Тамилнад – довольно депрессивный регион по ряду демографических показателей (разве что по уровню грамотности населения, который превышает 70%, он существенно опережает своих соседей). В настоящее время (по переписи 2011 года), Тамилнад с населением в 72 млн. чел. занимает 7 место в Индии и 2 – в рассматриваемом субрегионе (уступая только Андхра Прадешу).¹ В штате отмечается ускорение прироста населения, с 11,7% (1991-2001) до 15,6% (2001-2011), в то время как в Индии в целом наблюдается тенденция к снижению этого показателя, с 21,5% до 17,6% соответственно². При этом сокращается доля детей в возрасте до 6 лет (что означает замедление темпов роста населения в будущем) с 11,6 до 9,6 за те же периоды³.

Подобная картина наблюдается не одно десятилетие. Учитывая, что Тамилнад – сельскохозяйственный регион с избыточной рабочей силой, неудивительно, что тамилы мигрируют, в том числе, зарубеж. Однако, через пролив ситуация не многим лучше. Шри-Ланка еще не оправилась от последствий гражданской войны, и ее тамилы сталкиваются ко всему еще и с проблемой голода и трудоустройства (ситуация напоминает положение в Чечне после контртеррористической операции). Но если в Тамилнаде тамилы составляют уверенное большинство (более 80%), то на Цейлоне их менее 10%, в местах компактного проживания тамиллов есть сингальские поселения и сами тамилы разделены еще и по конфессиональному признаку. Такая пестрая кар-

тина не могла не породить конфликт между двумя основными общинами острова и не затронуть тамиллов Индии.

В колониальный период британские власти покровительствовали тамилам (и даже поощряли их миграцию из Индии на Цейлон), поэтому после получения независимости правительство Шри-Ланки приняло ряд националистических законов. В частности, в 1956 г. сингальский был объявлен единственным государственным языком, а в 1972 г. буддизм – официальной религией, пользующейся поддержкой правительства⁴. Излишне говорить, что тамилы не были сингалоязычны и были индуистами (а часть их – мусульманами). Эти акты ставили крест на возможностях карьерного роста тамиллов и вызвали ряд эксцессов, сопровождавшихся жертвами среди мирного населения⁵.

Четыре года спустя, политические партии, представлявшие тамильское национальное меньшинство, создали Объединенный фронт освобождения тамиллов (ОФОТ), который в своем манифесте призывал выступить на защиту индусов: «Новые колонизаторы, сингалы...используют силу, чтобы лишить тамильский народ его территории, языка, гражданства, образа жизни и доступа к труду и образованию»⁶. Как видим, в этой прокламации ОФОТ взывал к национальному чувству «униженных и оскорбленных» тамиллов, одновременно идя по пути эскалации, провозглашая сингалов «колонизаторами».

Естественно, такое заявление не могло обрадовать правительство. Позиции сингальского большинства, которому пришлось сталкиваться с тамильскими восстаниями в 1958 и в 1977 годах, можно понять. К семидесятым годам значительная часть тамиллов была «гастарбайтерами» на юге острова, выполняя сложные и малооплачиваемые виды работ. К тому же, в результате земельной реформы, тамилы-южане потеряли средства к существованию и/или свои дома, и представляли собой «социальное дно» Шри-Ланки. То есть к этноконфессиональному измерению конфликта, заложенному еще в 50-е годы, в начале 70-х годов добавляется социально-экономическое.

Более того, правительство способствовало переселению сингалов в места, которые тамилы считали исконно своими⁷. Попытка проведения социальных реформ на п-ове Джафна и в одноименном округе (месте компактного проживания тамиллов) привели к неожиданным результатам. Еще в 1957 г., парламентский акт отменил кастовое устройство общества, существование которого было одной из причин требования автономии тамилами. Он же официально провозгласил наличие «тамильского меньшинства», чьи права особо оговаривались, но только в пределах Джафны. Более того, в округе начались столкновения по поводу принадлежности храмов тем или иным группам ин-

дуистов (в частности, из-за попыток бывших «неприкасаемых» посещать храмы веллаларов, одной из каст землевладельцев), которые достигли пика 1968 г. и потребовали вмешательства полиции и правительства. Естественно, тамильские национальные организации объявили «антикастовый закон» провокацией сингалов, чтобы вмешаться в дела тамиллов⁸.

Схожие процессы протекали и на континенте. Еще в 1949 г. была создана по сути, сепаратистская партия «Дравида муннетра каджагам» (ДМК) – Дравидийский прогрессивный союз, ставившая своей целью борьбу с «засильем севера», против хинди как государственного языка и в перспективе – за образование Дравидистана из числа дравидоязычных штатов юга Индии – Тамилнада, Кералы, Майсура и Андхра Прадеша. Наибольшей поддержкой она пользовалась именно в Тамилнаде, где даже на всеобщих выборах получала до 27% голосов. Лидер партии, К.Н.Аннадураи, как и его «запроливные» коллеги, играл на кастовых противоречиях, правда, здесь тамильские националисты опирались на «неприкасаемых». Предпринятые федеральным правительством в 1960-е годы попытки перевести администрирование с английского на хинди также встретили сопротивление⁹.

Однако некоторые группы тамиллов, проживавшие на Цейлоне, были вне сферы внимания как континентальных, так и островных националистов. Во-первых, это были трудовые мигранты из Индии, занимавшиеся сбором чая на высокогорных плантациях, но не имеющие ланкийского гражданства, да и не связывавшие свои национальные интересы с островом. Тем не менее, тамилы-мигранты создали свою политическую организацию – Цейлонский рабочий конгресс (ЦРК). Он состоял в ОФОТ, но после победы сепаратистского уклона конгресс демонстративно отмежевался от общетамильского движения. Лидеры националистов уже в 70-е годы столкнулись с оппортунизмом и национал-предательством (как они это понимали): глава ЦРК поддерживал тесные связи с правящей Объединенной национальной партией и даже получил министерский портфель в правительстве Шри-Ланки¹⁰.

Второй такой группой были так называемые «цейлонские мавры» то есть, тамилы-мусульмане. Они держались обособленно от остальных тамиллов, в том числе и в политическом плане: на всеобщих выборах 1977 года, которые ОФОТ провозгласил своеобразным референдумом по своей сепаратистской политической платформе, они фактически отказали ему в поддержке, предпочтя проголосовать за «общегражданские» партии¹¹. Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Во-первых, социально-экономическое положение «мавров», живших в Западной провинции, было заметно лучше, чем у тамиллов

Джафны. Во-вторых, принадлежали они к другой касте – муккуваров, а ввиду религиозных различий они не испытывали столь теплых чувств к индийским братьям (тем более, что в семидесятые – после индо-пакистанской войны, – индуисты на континенте не отличались особой веротерпимостью).

Таким образом, национальное движение тамилгов на первом этапе пережило не только организационно-структурное становление, но и первый (пока еще не столь существенный) раскол. Разумеется, для людей, вовлеченных в мир практической политики, это не должно было стать новостью, ибо политика предполагает компромиссы и учет мнений других игроков. Но очевидно, среди лидеров тамилгов было слишком много «идейных борцов».

На середину семидесятых, как отмечалось выше, пришелся пик миграции сингалов и расселение их в Джафне и других близлежащих округах Северной провинции. Центральное правительство, в соответствии с законодательством, предоставляло им квоты на поступление в вузы и при приеме на работу. Многие тамилы, особенно среди молодежи, потеряли источник средств к существованию и их уровень жизни существенно снизился. Пришедшееся на эти годы увеличение продолжительности жизни, следовательно, и период пребывания в статусе наследника, привели к тому, что многие тамилы не могли (по материальным причинам) вступать в брак с одной стороны, и содержать себя достойно (из-за безработицы и миграционных ограничений) – с другой¹².

В таких условиях тамильская молодежь подвергалась радикализации. Организационно они были представлены Союзом безработных студентов (Unemployed Graduates' Union), который объединял отчисленных студентов и выпускников школ и колледжей, не имевших постоянной работы. В противоположность Цейлону, в Индии радикализации националистов не произошло. Еще в 60-е научившись искусству договариваться, ДМК сумел добиться основных положений своей программы (во многом под его давлением был продлен срок применения английского как *lingua franca* на юге)¹³ и неоднократно добивался власти, создавая коалиционные правительства с противниками доминирующего в политической жизни страны Индийского национального конгресса. К тому же, определенные усилия, предпринятые федеральным правительством по развитию грамотности на тамильском языке, принесли положительные плоды – уровень образования в Тамилнаде существенно возрос и остается одним из самых высоких в Индии, как у мужчин, так и у женщин, вплоть до наших дней¹⁴.

Постепенная радикализация молодежи, которая составляла основную массу членов политических организаций тамиллов, не могла не сказаться на ими выдвигаемых требованиях. В 1976 году ОФОТ провозглашает курс на создание «Тамил Илама», то есть Страны тамиллов¹⁵. Социально-экономические и кастовые разногласия, по крайней мере, номинально, отброшены в сторону. Всем «тамилам доброй воли» теперь было необходимо определиться: они борются за национальную независимость или судьба своего народа им безразлична. Казалось бы, подобная постановка вопроса не должна была оставить никого безучастным и способствовать единению национально-освободительных сил. Но на деле вышло прямо противоположное. Индийские тамилы и тамилы-мусульмане, составлявшие к тому времени, по некоторым оценкам, до половины общего тамильского населения Шри-Ланки, оказались «вне игры» (что им скоро аукнется). Кроме того, стали возникать новые национально-патриотические организации, которые не столько боролись с сингалезским правительством, сколько друг с другом.

Во-первых, в стране стали появляться (и тут же дробиться) левые партии и группировки (преимущественно, марксистские). Очевидно, это происходило под влиянием воздействия индийского политического процесса, для которого в те годы характерен рост популярности крестьянских и левых партий (одних только коммунистических действовало три). Во-вторых, возникли две новые структуры, избравшие политические методы борьбы – Фронт освобождения Тамил Илама (ФОТИ) и «Тамил Илаигнар Эравай» (Фронт освобождения тамиллов, ФОТ)¹⁶. Очевидно, что организации играли на одном поле и не могли ужиться друг с другом. Даже их названия были призваны подчеркнуть «истинно патриотический» настрой каждой из них. ФОТИ применил в своем названии топоним «Илам», чтобы показать: именно мы, а не «оппортунисты» из ОФОТ боремся за территориальное самоопределение тамиллов. А создатели третьей структуры пошли еще дальше – они ее назвали на тамильском, без дублирования на английском, желая продемонстрировать, что не нуждаются во внешней легитимации и поддержке (в первую очередь, со стороны тамиллов Индии).

Но самое важное, что организационно-политической разобщенностью дело не ограничилось. Тогда же, во второй половине 1970-х годов (разные источники называют разные даты) от «многострадального» ОФОТ отделилась группа молодых активистов во главе с В.Прабхакараном, чьим идеологическим предшественником был Союз безработных студентов. Именно это событие ознаменовало переход национально-освободительного движения тамиллов на третий,

наиболее трагичный, этап. На момент начала военно-политической активности В.Прабхакарану было 18 лет. Остальным активистам было столько же или даже меньше. Подчеркнуто молодежный, «новый» во всех смыслах характер раскольников сохранялся вплоть до недавних времен. Новой организации дали звонкое имя «Тигры освобождения Тамил Илама» (ТОТИ).

Изначально ТОТИ кооперировались с другими вооруженными тамильскими группировками, но позднее порвали с ними и начали против них борьбу. Они полагали, что борьба будет эффективнее, если остальные группы, склонные к компромиссу в конфликте, будут устранены. Следствием такой борьбы стало то, что ТОТИ заняли позицию важнейшей военной группировки, борющейся за создание тамильского государства. При этом, для поддержки организации используются любые средства: давление на бизнес и эмигрантов с целью рэкета, пиратство, незаконные банковские операции, наркоторговля. Все это прикрывается благой целью достижения независимости¹⁷.

Значительные успехи «Тигров» привели к тому, что зарубежные тамильские организации стали воспринимать их как реальную силу, представляющую цейлонских тамилы и защищающую их интересы. Это существенным образом изменило образ ТОТИ: из повстанцев они стали борцами за независимость. Многие тамильские организации оказывали им не только моральную, но и финансовую поддержку, достигавшую 200 млн. долл. США в год¹⁸. Структуру ТОТИ образуют два подразделения, называющиеся Военное крыло (включающее в себя Морских тигров, Воздушных тигров, Черных тигров (террористы-самоубийцы), элитный боевой отряд и подразделение разведки) и подчиненное Политическое крыло¹⁹. Рекруты ТОТИ готовятся умереть за идею при необходимости и носят с собой капсулы с цианидом на случай пленения. ТОТИ используют в качестве солдат детей и подростков, что нашло подтверждение в факте сдачи правительственным войскам 25 боевиков в возрасте от 13 до 17 лет. После этого ТОТИ приняли обязательство не использовать детей, но ЮНИСЕФ и HRW уличили их в нарушении данного обещания и использовании в качестве новобранцев детей, оставшихся сиротами после цунами 2008 г. Схожие сообщения были получены от многих гражданских свидетелей. ЮНИСЕФ подтвердил набор в армию 315 детей в период с апреля по декабрь 2006 г., а общее число детей-рекрутов, начиная с 2001 г. приближается к 6000²⁰.

Использование детей-солдат и террористов-самоубийц было новшеством ТОТИ (возможно, идеей самого В.Прабхакарана), позднее скопированным на Ближнем Востоке и в тропической Африке. У

ТОТИ также большое количество женщин-боевиков, чья численность составляет от 20 до 30% состава боевых подразделений. По меньшей мере, 4000 женщин были убиты, начиная с 1987 г., включая 100 смертниц из подразделения «Черных тигров». Убийство премьер-министра Индии Р.Ганди и покушение на президента Шри-Ланки Ч.Кумаратунга были осуществлены именно смертницами. Взаимодействие с населением ограничено пропагандой среди тамилы и терактами против сингалов. В качестве посредников для связи с миром используются многочисленные международные культурные и просветительские организации тамилы, например «Всемирное тамильское движение» (ВТД), «Тамильская Ассоциация Мира», «Тамильское Движение Мира», «Федерация ассоциаций канадских тамилы» (ФАКТ), «Группа Сангиллан». Хотя у ТОТИ есть политическое крыло, они не стремятся стать партией. На парламентских выборах 2004 года они открыто поддерживали Тамильский национальный альянс, который получил 90% голосов в избирательном округе Джафна, в Северной провинции.

Нападения на гражданских производились на транспорте, в мечетях и храмах, объектах инфраструктуры и сопровождаются многочисленными жертвами. В крупнейших терактах погибли десятки и даже сотни (теракт в Анурадхапуре и нападение на Центральный банк), которые были объявлены лидерами ТОТИ сопутствующим ущербом. Даже после заключения Соглашения о прекращении огня в 2002 г., ТОТИ продолжали атаки против гражданских лиц, наиболее масштабные – в апреле, мае и июне 2006 г. Для проведения подобных терактов используются транспортные средства и бомбы массой в десятки и сотни килограммов. По данным Jane's Information Group, с 1980 г. по 2000 г., ТОТИ осуществили 168 нападений смертников на гражданские и военные объекты, став первопроходцами в использовании подобной тактики и превысив аналогичный показатель у «Хезболлы» и «ХАМАСа», вместе взятых. Тамильские тигры ответственны за этнические чистки против сингалов и мусульман-тамилы, проживавших на контролируемых ими территориях. Например, были подвергнуты тактике «выжженной земли» сингалы на северо-востоке (население нескольких деревень вырезали), а вся мусульманская община Джаффны была выселена в один из дней 1990 года²¹.

С тех пор как в 1983 году на острове начались бои между правительственными войсками и ТОТИ, правительственная армия отделила повстанческий север блокпостами, но, несмотря на это, по всему острову происходили теракты, организованные тамильскими сепаратистами. В ответ правительство начало кампанию массовых арестов

всех, кто подозревался в связях с ТОТИ. Итогом кампании стало «исчезновение» нескольких тысяч людей. Общественное мнение в сингальской общине предпочитало не замечать немотивированное применение насилия против гражданских тамиллов. В результате продолжительных и не очень успешных для правительства боевых действий, в «стране Приабхакарана» выросло военное поколение людей, а сотни тысяч тамиллов были вынуждены эмигрировать²².

Боевые действия привели к массовому бегству тамиллов из Северной провинции и из Шри-Ланки вообще. Ситуация сложилась настолько парадоксальная, что теперь в Индии есть тамилы цейлонского происхождения. Однако большинство тамиллов выехали в развитые страны Запада: Германию (50 тыс.), Канаду (200 тыс.), Великобританию (100.000), Францию и Австралию (по 30 тыс.). Общие масштабы «исхода» к началу 2000-х достигли пика, и теперь за пределами Шри-Ланки живет около четверти цейлонских тамиллов²³.

Тем же, кто остался на острове, крупно не повезло: фактически они превратились в коллективных заложников. Если до середины 2000-х годов гражданские тамилы могли еще участвовать в политической жизни страны, то с 2005 года ситуация изменилась. Руководство ТОТИ приняло решение о «добровольной изоляции»: тамилы на подконтрольной им территории не принимают участие в политических акциях (выборы президента в 2005 г. были проигнорированы), не посещают школы и не пользуются социальной инфраструктурой²⁴. Учитывая, что «исход» затруднен (ТОТИ стали ощущать дефицит в новобранцах), то гражданское население было поставлено на грань гуманитарной катастрофы. В таких условиях общественное мнение диаспоры и стран запада отказалось от поддержки сепаратистов. Оказавшись в условиях изоляции, «тигры» были вынуждены прибегнуть к переговорам.

Отметим, что ранее, в начале и середине 1990-х, переговоры уже проводились, причем по инициативе президентов Шри-Ланки Р.Премадасы и Ч.Кумаратунги. И параллельно с этими переговорами, тамилы продолжали вооруженную борьбу, нападая на военные части и полицейские патрули²⁵. То есть они придерживались типично террористической тактики, как это делали ХАМАС или ИРА. В то же время, правительство было готово пойти на существенные уступки, дебатировался даже вопрос о федерализации страны²⁶.

Следует отметить, что к переговорному процессу привлекались и внешние игроки. Первый опыт посредничества, предложенный Индией, оказался неудачен. Во-первых, инициированное индийской стороной создание «демилитаризованной зоны» и перемирие позволило

ТОТИ залечить раны и перегруппироваться, а не начать интеграцию в мирную жизнь. Во-вторых, индийцы не были «этнически нейтральны». В-третьих, после убийства Р.Ганди и вооруженной борьбы с индийским миротворческим контингентом, ТОТИ не испытывали симпатий к внешнему вмешательству в конфликт.

Предпринятое в 2002-2006 гг. норвежское посредничество тоже не принесло особых результатов, но позволило наладить контакт с низовым руководством ТОТИ и непосредственно с комбатантами²⁷. Это дало возможность убедить часть из них сложить оружие или перейти на сторону правительства. Предпринятое позднее хорошо подготовленное наступление правительственных войск позволило разбить основные силы тамиллов и уничтожить ряд руководителей (включая В.Прабхакарана). Оставшиеся дееспособными структуры сепаратистов постепенно сложили оружие. Поэтапно процесс реинтеграции выглядел так: в течение 2009 года были проведены провинциальные выборы и сформированы местные органы власти, к маю 2010 года около 600 бывших солдат-детей по программе ЮНИСЕФ были возвращены в свои семьи, а к июлю 2011 были интегрированы в мирную жизнь последние из 6.100 бывших повстанцев²⁸. Очевидно, что проблема уязвленного национального чувства и общественного положения тамиллов на Шри-Ланке далека от завершения. Тот факт, что центральному правительству удалось остановить гражданскую войну и усадить тамильских националистов за стол переговоров не означает, что проблема будет решена. В конце концов, переговоры, как и вооруженное восстание, всего лишь способ защиты своих прав. Удастся ли двум общинам ужиться на одном острове, покажет время.

¹ *Census 2011. Provisional Population Totals / Office of the Registrar General and Census Commissioner, Ministry of Home Affairs of India. – 2011. – P.12.*

² *Ibid. – P.21.*

³ *Ibid. – P.28.*

⁴ *Lynn de Silva, Buddhism: Beliefs and Practices in Ceylon / Lynn de Silva. – Colombo: Wesley Press, 1980. – P.43.*

⁵ *Report to Congress on Incidents during the Recent Conflict in Sri Lanka / U.S. Department of State, Washington, 2009. – P.5.*

⁶ *Kearney R.N. Language and the Rise of Tamil Separatism in Sri Lanka / R.N. Kearney // Asian Survey. – 1978. - Vol. 18. – P. 532.*

⁷ *Pfaffenberger B. Fourth World Colonialism, Indigenous Minorities and Tamil Separatism in Sri Lanka / B. Pfaffenberger // Bulletin of Concerned Asian Scholars. – 1984. – Vol. 16. – No 1. – P.16.*

⁸ *Kearney R.N. Language and the Rise of Tamil Separatism in Sri Lanka. – P. 529.*

⁹ *История Индии / К.А. Антонова, Г.М. Бонгард-Левин, Г.Г. Котовский. – М., 1979. – С. 552 – 553.*

¹⁰ *Pfaffenberger B. Fourth World Colonialism, Indigenous Minorities and Tamil Separatism in Sri Lanka. – P. 19.*

¹¹ *Kearney R.N. Language and the Rise of Tamil Separatism in Sri Lanka. – P. 533.*

¹² *Baldwin C.St. Policies and Realities of Delayed Marriage: The Cases of Tunisia, Sri Lanka, Malaysia, and Bangladesh / C.St. Baldwin // Population Reference Bulletin. – 1977. – Vol. 3. – P.6 – 7.*

-
- ¹³ История Индии / К.А. Антонова, Г.М. Бонгард-Левин, Г.Г. Котовский. – М., 1979. – С.566.
- ¹⁴ Census 2011. Provisional Population Totals / Office of the Registrar General and Census Commissioner, Ministry of Home Affairs of India. – 2011. – P.49–51.
- ¹⁵ Omvedt G. The Tamil National Question / G. Omvedt // Bulletin of Concerned Asian Scholars. – 1984. – Vol. 16. – No 1. – P. 23.
- ¹⁶ Ibid. – P. 23.
- ¹⁷ Humanitarian Operations Factual Analysis (July 2006 – May 2009) / Ministry of Defense Democratic Socialist Republic of Sri Lanka, 2011. – P.27.
- ¹⁸ The Sri Lankan Tamil Diaspora after the LTTE // International Crisis Group Asia Report. – 2010. – No 186. – P.1.
- ¹⁹ The LTTE in brief / The Permanent Mission of Sri Lanka to the United Nations Office at Geneva, 2008. – P.2.
- ²⁰ Humanitarian Operations Factual Analysis (July 2006 – May 2009) / Ministry of Defense Democratic Socialist Republic of Sri Lanka. July 2010. – P. 10.
- ²¹ The LTTE in brief / The Permanent Mission of Sri Lanka to the United Nations Office at Geneva. 2008. – P. 4 – 6.
- ²² Funding the “Final War”: LTTE Intimidation and Extortion in the Tamil Diaspora // Human Rights Watch. – Vol. 18. – No 1 (C). – P. 7 – 9.
- ²³ Ibid. – P.10.
- ²⁴ Ibid. – P.8.
- ²⁵ Humanitarian Operations Factual Analysis (July 2006 – May 2009) / Ministry of Defense Democratic Socialist Republic of Sri Lanka, 2011. – P.32 – 34.
- ²⁶ Bastian S. The Failure of State Formation, Identity Conflict and Civil Society Responses – The Case of Sri Lanka / S. Bastian // Centre for Conflict Resolution, Department of Peace Studies, 2009. – P.18 – 23.
- ²⁷ Humanitarian Operations Factual Analysis (July 2006 – May 2009) / Ministry of Defense Democratic Socialist Republic of Sri Lanka, 2011. – P.35 – 36.
- ²⁸ Ibid. – P.69, 80-82.

ПРОБЛЕМЫ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО ПОВОРОТА В ИРЛАНДСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Автор анализирует проблемы постколониального поворота в ирландских исследованиях. Постколониальный метод в современных гуманитарных науках был предложен в конце 1970-х годов Эдвардом Саидом. Постколониальный анализ активно используется для изучения восточных и европейских обществ. Современный постколониальный анализ играет одну из ведущих ролей в изучении ирландского национализма, культурной и интеллектуальной истории Ирландии.

Ключевые слова: гуманитарные исследования, ирландские исследования, постколониальный анализ, постколониальная теория, национализм, идентичность

The author analyses the problems of post-colonial turn in Irish studies. The post-colonial method in contemporary humanities was offered in the end of the 1970s by Edward Said. The post-colonial analysis is actively used for Oriental and European societies' studies. The modern post-colonial analysis plays one of leading roles in the studies of Irish nationalism, cultural and intellectual history of Ireland.

Keywords: humanities, Irish studies, post-colonial analysis, post-colonial theory, nationalism, identity

Автор аналізує проблеми постколоніального повороту в ірландських студіях. Постколоніальний метод в сучасних гуманітарних науках був запропонований в кінці 1970-х років Едвардом Саїдом. Постколоніальний аналіз активно використовується для вивчення східних і європейських суспільств. Сучасний постколоніальний аналіз грає одну з провідних ролей у вивченні ірландського націоналізму, культурної і інтелектуальної історії Ірландії.

Ключові слова: гуманітарні дослідження, ірландські студії, постколоніальний аналіз, постколоніальна теорія, націоналізм, ідентичність

На протяжении второй половины XX века гуманитарные исследования на Западе, в том числе и Irish Studies, развивались в условиях постепенно углубляющего междисциплинарного синтеза, интеграции методов различных гуманитарных и общественных наук. Успешные попытки утверждения и использования междисциплинарного синтеза были предприняты в рамках изучения ирландского национализма. В 1950 – 1980-е годы ирландский национализм исследовался и анализировался с позиций модернизма, конструктивизма, неомарксизма¹, которые в Ирландии обрели значительную национальную специфику². В 1990 – 2000-е годы зарубежными интеллектуалами были предприняты попытки применить к изучению национализма в Ирландии постколониальную теорию, основы которой были заложены в конце 1970-х годов Эдвардом Саидом в классическом исследовании «Ориентализм»³.

Постколониальный анализ⁴, получивший развитие благодаря многочисленным ученикам и сторонников подхода, предложенного Э. Саидом⁵, тесно связан с теориями национализма, основываясь на анализе нарративных источников, взаимных представлений и интеллектуальных традиций в контексте развития политических националистических движений и связанных с ними концептов самости и инаковости. В центре авторского внимания в настоящей статье – новейшие интерпретации истории ирландского национализма в контексте постколониального анализа.

Сторонники постколониальной интерпретации ирландской истории полагают, что под «ирландскими исследованиями» (Irish Studies) следует понимать междисциплинарное (interdisciplinary) и межкультурное (intercultural) изучение «ирландского» (the Irish) и «ирландскости» (Irishness). Развитие Irish Studies, начиная с середины 1980-х годов, невозможно представить без мощного влияния со стороны постколониализма, что привело к появлению особого исследовательского течения – «постколониального критицизма» (postcolonial criticism), родившегося вследствие острых дискуссий между историками-традиционалистами и ревизионистами⁶. Первые были по совместительству и ирландскими националистами, которые культивировали этноцентричную модернистскую версию ирландской истории, которая нередко сводила историю Ирландии к истории национального движения. Вторые считали необходимым расширить исследовательский инструментарий, что привело в результате к появлению ирландской версии постколониализма, основанной на синтезе традиционного для ирландской историографии модернистски-конструктивистского прочтения истории с теориями Э. Саида, Х. Бхабхи, Г. Спивака и других.

По мнению Джэрри Смита, генезис ирландского постколониализма связан с мощными интеллектуальными влияниями со стороны постструктуралистских теорий М. Фуко и Ж. Делеза, постмодернизма⁷, классического ориентализма, связанного с изучением Востока, а также марксизма с его интересам к социально-экономическим аспектам подавления и угнетения⁸. Фигура Эдварда Вади Саида вызывает особый интерес со стороны ирландских интеллектуалов по той причине, что он предложил «радикальную альтернативу политической повестке дня глобального неоимпериализма»⁹. В условиях ирландского интеллектуального пространства роль неоимпериалистического врага играет не сионизм (как у Э. Саида), но британский империализм, что связано с длительным периодом доминирования в ирландской историографии этноцентричной парадигмы.

Линда Коннолли (Linda Connolly) полагает, что в 1990-е годы постколониализм из новаторского течения превратился в «доминирующий дискурс»¹⁰, определяющий развитие Irish Studies на принципах постструктурализма и постмодернизма¹¹, в рамках которых ирландские авторы предприняли попытки, направленные на «переосмысление, новое позиционирование и ревизию» истории Ирландии. Джэрри Смит подчеркивает, что применение методов постколониального анализа стало фактором качественного роста ирландской историографии¹². Институционализация постколониальной парадигмы в «ирландских исследованиях» привела к открытию «новых уровней понимания» ирландской истории¹³.

Суммируя итоги дискуссий 1980-х и усиление исторического ревизионизма, Колин Грэхэм в 1994 году подчеркивал, что перед ирландским научным сообществом стоят новые задачи, связанные с «новым прочтением нации» и «оживлением стратегий прочтения ирландской культуры»¹⁴. Кроме этого ирландская версия постколониального анализа, в отличие от ортодоксальных американских версий, обрела компромиссный характер, трансформировавшись в синтез двух школ постколониального анализа – «литературной» и «культурной» критики¹⁵. Анализируя развитие ирландской версии постколониального анализа, Л. Коннолли полагает, что появление этого течения в Ирландии было обязано не только мощному американскому интеллектуальному влиянию, но и имело национальные истоки, связанные с изучением истории Ирландии в целом, а также с «женской историей» как частной версией большой исторической ирландского нарратива.

С другой стороны, появление ирландской школы постколониального анализа было связано и с желанием некоторых интеллектуалов переформатировать исторический дискурс в Ирландии, заменив традиционные нормативные схемы написания / описания истории как истории военного и национального протеста¹⁶ в большей степени фрагментированными историями ирландской исторической, политической и культурной традиции. В ирландской версии постколониализма особое внимание уделяется формированию нового исторического нарратива, который одновременно является фрагментированным и интегрированным. Проявлением этого процесса следует признать стремление ирландских исследователей заниматься изучением т.н. «забытых проблем», ликвидацией пустот, которые сложились в ирландском историческом знании. Среди этих «пустот» особое место занимает панкельтизм, воспринимаемый как в одинаковой степени интеллектуальное и протестное движение¹⁷. В изучении панкельтистского дискурса в ирландском национализме исследователи тесно соприкасаются с совре-

менным неомарксизмом с его интересом к протесту периферии против доминирования центра.

Фрагментированность ирландского исторического дискурса проявляется в стремлении отказаться от написания / описания истории как истории Ирландии, заменив метарассказ совокупностью интегрированных версий ирландских историй, которые сочетали бы в себе не только макро, но и микроуровень. В рамках постколониального анализа особое внимание уделяется истории современной ирландской литературы, которая воспринимается как сфера конструирования и приложения различных культурных и социальных идентичностей. Американские исследователи полагают, что использование «постколониального прочтения» в отличие от доминирующего, по их мнению, «националистического» может привести к интересным результатам.

По мнению Скотта Болтвуда (Scott Boltwood), литературный текст представляет собой не только отражение националистических политических предпочтений ирландских писателей, но является в большей степени формой «культурного воображения»¹⁸. Именно поэтому особой популярностью среди исследователей, которые придерживаются постколониальных концептов, пользуется идея нового или вторичного «изобретения» ирландской литературы в форме ее новейших интерпретаций¹⁹, а также изучение языковой специфики ирландских текстов²⁰ в контексте построения принципиальной иной этнической, культурной и политической идентичности угнетенной нации, которая использовала язык своих угнетателей. По мнению ряда исследователей, освоение английского языка играло центральную роль в процессе ассимиляции ирландцев.

С другой стороны, трансформация английского языка в Ирландии при условии его использования как основного средства политической коммуникации положила начало политической фрагментации «англоцентричного мира Британских островов». Сторонники постколониального анализа полагают, что восприятие ирландской литературы как исключительно националистической существенно ограничивает возможности исследовательского маневра. Именно поэтому в рамках постколониального анализа ирландского национализма были предприняты попытки «реформировать чтение» литературных текстов²¹, что вылилось в стремление последовательно фрагментировать воображаемое прошлое Ирландии, заменив единичный текст серийным метатекстом, фактически представляющим собой совокупность исторических, культурных и интеллектуальных опытов различных социальных и экономических групп ирландского общества.

В ирландской версии постколониального анализа особое внимание уделяется использованию литературного материала, который нередко воспринимается как совокупность текстов, для реконструкции истории Ирландии и синтетический исторический опыт, позволяющий иначе интерпретировать события политической и культурной истории не просто как событийную серийность, но заново «вообразать» национальное прошлое²². Новая версия национального прошлого, которая предлагается в рамках постколониального анализа, является в большей степени фрагментированной, вызванной кризисом истории как жанра метарассказа. На смену синтетическим описаниям ирландской истории по инициативе приверженцев постколониальной методологии приходят новые истории Ирландии как, например, истории отношений «маскулинных колонизаторов» у угнетаемой «колонизированной феминности»²³.

В рамках подобного восприятия истории Ирландии с середины 1990-х годов наметились тенденции к существенной ревизии истории ирландского национализма: ирландскими историками были предприняты попытки написания гендерно ориентированной истории ирландского националистического протеста²⁴ в контексте формирования феминновыраженных националистических концептов Ирландии как юной девы, обещанной англичанами или умирающей старой монахини, обрекаемой на смерть теми же англичанами. Сторонники постколониального анализа полагают, что изучение текстов позволяет иначе интерпретировать некоторые моменты социальной истории Ирландии²⁵.

По мнению ряда исследователей, следует отказаться от поверхностных оценок истории Ирландии как исключительно английской колонии. Анализ литературного продукта ирландских авторов показывает то, что ирландская элита была часть британской политической элиты в целом, что позволяет рассматривать ирландцев как не только угнетенную, но и в определенной степени имперскую нацию. Применение постколониального метода для изучения ирландской истории в значительной степени актуализировало потенциал перформативизма, что отражается, например, в исследованиях Л. Салис²⁶, посвященных развитию спорта в ирландских сообществах за рубежом. В рамках подобного восприятия спорт анализируется как совокупность социальных и культурных ролей, связанных в той или иной степени с сохранением, позиционированием и подчеркиванием ирландской идентичности вне Ирландии.

Для ирландского постколониализма характерен интерес к перформативизму, изучению истории Ирландии как истории ролей, кото-

рые формировались по региональному, локальному и социальному принципу. Анализируя новейшую историю Ирландии с перформативистских позиций, ирландские историки, например, значительное внимание уделяют не только формированию и трансформации образов-ролей ирландцев в Европе (нарративы, призванные описать культурный концепт, сводимый к следующему: «The Irish are the niggers of Europe»), но и локально-ролевой дифференциации ирландцев (комплекс нарративов, отражающих образы-стереотипы ирландцев в отношении самих ирландцев «Dubliners are the niggers of Ireland... An' the northside Dubliners are the niggers o' Dublin»)²⁷.

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. Появление постколониальной интерпретации истории ирландского национализма генетически было связано с кризисом конструктивистских теорий националистических движений, а также мощным интеллектуальным влиянием со стороны неомарксизма с его интересом к проблемам отношения угнетенных и угнетателей, колонизированных и колонизаторов. К середине 1990-х годов классические теории национализма в Ирландии, основанных на принципах модернизма и конструктивизма, в значительной степени исчерпали себя, что было связано с усилением новых концептов национализма, основанных на изучении таких внешне социально и экономически неопределенных феноменов как национальная память, взаимные представления, национальное / националистическое воображение. Роль универсального инструмента для объяснения этих явлений была отведена постколониальному анализу.

Инициаторами этого методологического поворота стали ирландские и американские интеллектуалы, которых не смутило то, что постколониальный анализ ранее был успешно апробирован на изучении Африки, Юго-Восточной и Средней Азии. Интерпретация истории ирландского национализма в русле постколониальных теорий дала позитивные результаты, что проявилось в расширении числа изучаемых тем, появлении новых оригинальных исследований. Постколониальный анализ в значительной степени актуализировал принципы междисциплинарности в изучении ирландского национализма, что проявилось в применении перформативистских концептов, анализе национализма как ролевого культурно детерминированного движения.

Современный постколониальный анализ играет одну из ведущих ролей в изучении ирландского национализма, культурной и интеллектуальной истории Ирландии. Залогом успешного развития этого концепта является не только творческое и новаторское переосмысление классических теорий национализма и неомарксистских интерпретаций

современности, но и то, что современные постколониальные исследования опираются на мощный фундамент междисциплинарного синтеза. В этом отношении интерпретации ирландского национализма как феномена (пост)колониального мира в определенной степени смогли избежать родовых недостатков классических теорий национализма, связанных с восприятием националистических движений как исключительно социальных или экономических. Активное использование методов культурного и социального анализа, социальной и культурной антропологии способствует динамичному развитию постколониального подхода, превращая исследовательские методы и приемы, предлагаемые сторонниками постколониального анализа, в значительной степени применимыми для изучения не только ирландского национализма, но и новейшей истории Ирландии в целом.

¹ Модернистские и конструктивистские интерпретации ирландского национализма представлены в ряде работ. См.: Foster R.F. *Modern Ireland, 1600 – 1972* / R.F. Foster. – L., 1989; Boyce G.D. *Nationalism in Ireland* / G.D. Boyce. – L., 1991.

² Smyth J. Review of *Modernisation: Crisis and Culture in Modern Ireland 1969-1992* / J. Smyth // *History Ireland*. – 2002. – Summer; Dunne T. *New Histories: Beyond "Revisionism"* / T. Dunne // *Irish Review*. – 1992. – No 12.

³ Саид Э. *Ориентализм. Западные концепции Востока* / Э. Саид. – СПб., 2006.

⁴ Young R.J.C. *Postcolonialism: A Very Short Introduction* / R.J.C. Young. – Oxford, 2003; Kirkland R. *Questioning the Frame: Hybridity, Ireland and the Institution* / R. Kirkland // *Ireland and Cultural Theory: The Mechanics of Authenticity* / eds. C. Graham, R. Kirkland. – L. – NY., 1999. – P. 210 – 228.

⁵ Постколониальными следует признать исследования таких авторов как Х. Бхабха, Г.Ч. Спивак и других. См.: Bhabha H. *The Location of Culture* / H. Bhabha. – NY., 1994; Spivak G.C. In *Other Worlds: Essays in Cultural Politics* / G.C. Spivak. – NY., 1988; Spivak G.C. *A Critique of Postcolonial Reason: Toward a History of the Vanishing Present* / G.C. Spivak. – Harvard, 1999.

⁶ Об интеллектуальной ситуации в Ирландии 1980-х годов см.: Bradshaw B. *Nationalism and Historical Scholarship in Modern Ireland* / B. Bradshaw // *Irish Historical Studies*. – 1986. – Vol. XXVI. – No 104. – P. 329 – 351; *Interpreting Irish History: The Debate on Historical Revisionism* / ed. C. Brady. – Dublin, 1986; *The Making of Modern Irish History: Revisionism and the Revisionist Controversy* / eds. D.G. Boyce, A. O'Day. – L., 1996.

⁷ Norris Ch. *Truth and the Ethics of Criticism* / Ch. Norris. – Manchester, 1994; Lyotard J.-Fr. *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge* / J.-Fr. Lyotard / trans. G. Bennington, Br. Massumi. – Manchester, 1984; Eagleton T. *The Illusions of Postmodernism* / T. Eagleton. – Backwell, 1996; Harvey D. *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change* / D. Harvey. – Blackwell, 1989; Norris Ch. *What's Wrong with Postmodernism: Critical Theory and the Ends of Philosophy* / Ch. Norris. – L., 1990.

⁸ Smyth G. *Irish studies, postcolonial theory and the "new" essentialism* / G. Smyth // *Irish Studies Review*. – 1999. – Vol. 7. – No 2. – P. 211 – 220.

⁹ Flannery E. *Rites of passage: migrancy and liminality in Colum McCann's Songdogs and This Side of Brightness* / E. Flannery // *Irish Studies Review*. – 2008. – Vol. 16. – No 1. – P. 1 – 17.

¹⁰ Connolly L. *The limits of Irish Studies: historicism, culturalism, paternalism* / L. Connolly // *Irish Studies Review*. – 2004. – Vol. 12. – No 2. – P. 139 – 162. См. также: Connolly C. *Theorising Ireland* / C. Connolly // *Irish Studies Review*. – 2001. – Vol. 9. – No 3. – P. 301 – 315.

¹¹ *Ireland and Postcolonial Theory* / eds. C. Carroll, P. King. – Cork, 2003; Lloyd D. *Ireland after History* / D. Lloyd. – Cork, 1999.

¹² Smyth G. *Irish studies, postcolonial theory and the "new" essentialism* / G. Smyth // *Irish Studies Review*. – 1999. – Vol. 7. – No 2. – P. 211 – 220; Lloyd D. *Cultural Theory and Ireland* / D. Lloyd // *Bullan*. – 1997. – Vol.3. – No 1; Connolly C. *Postcolonial Ireland, Hyperreal Europe: Irish Studies: The Postcolonial Debate* / C. Connolly // *The European English Messenger*. – 1998. – Vol. 7. – No 1.

¹³ Graham C., Maley W. *Introduction: Irish studies and postcolonial theory* / C. Graham, W. Maley // *Irish Studies Review*. – 1999. – Vol. 7. – No 2. – P. 149 – 152.

-
- ¹⁴ Graham C. Post-nationalism/post-colonialism: Reading Irish culture / C. Graham // *Irish Studies Review*. – 1994. – Vol. 2. – No 8. – P. 35 – 37.
- ¹⁵ Graham C., Maley W. Introduction: Irish studies and postcolonial theory / C. Graham, W. Maley // *Irish Studies Review*. – 1999. – Vol. 7. – No 2. – P. 149 – 152.
- ¹⁶ Jackson E.-R. Gender, violence and hybridity: Reading the postcolonial in three Irish novels / E.-R. Jackson // *Irish Studies Review*. – 1999. – Vol. 7. – No 2. – P. 221 – 231.
- ¹⁷ Williams D.G. Another lost cause? Pan-Celticism, race and language / D.G. Williams // *Irish Studies Review*. – 2009. – Vol. 17. – No 1. – P. 89 – 101.
- ¹⁸ Boltwood S. “An emperor or something”: Brian Friel's *Columba*, Migrancy and Postcolonial Theory / S. Boltwood // *Irish Studies Review*. – 2002. – Vol. 10. – No 1. – P. 51 – 61. См. также: Arrowsmith A. “Debating Diasporic Identity: Nostalgia, (Post)Nationalism”: Critical Traditionalism / A. Arrowsmith // *Irish Studies Review*. – 1999. – Vol. 7. – No 2. – P. 71 – 81.
- ¹⁹ Wong D. “Of Irish extraction”: translation, selection and re-invention / D. Wong // *Irish Studies Review*. – 2004. – Vol. 12. – No 2. – P. 213 – 224.
- ²⁰ Wright J. “Wel gelun a gud?”: Thomas Sheridan's *Brave Irishman* and the failure of English / J. Wright // *Irish Studies Review*. – 2008. – Vol. 16. – No 4. – P. 445 – 460; Benzie W. *The Dublin Orator: Thomas Sheridan's Influence on Eighteenth-century Rhetoric and Belles Lettres* / W. Benzie. – Menston, 1972.
- ²¹ Graham C. *Deconstructing Ireland: Identity, Theory, Culture* / C. Graham. – Edinburgh, 2001; Howe S. *Ireland and Empire: Colonial Legacies in Irish History and Culture* / S. Howe. – Oxford, 2000; *Ireland and Cultural Theory: The Mechanics of Authenticity* / eds. C. Graham, R. Kirkland. – L., 1999; McCarthy C. *Modernisation: Crisis and Culture in Ireland 1969–1992* / C. McCarthy. – L., 2000; *New Voices in Irish Criticism* / ed. P.J. Mathews. – L., 2000.
- ²² *Political Economy and Colonial Ireland: The Propagation and Ideological Function of Economic Discourse in the Nineteenth Century* / eds. Th.A. Boylan, T.P. Foley. – L. – NY., 1992; Lloyd D. *Anomalous States: Irish Writing and the Postcolonial Moment* / D. Lloyd. – L., 1993; Kiberd D. *Inventing Ireland: The Literature of the Modern Nation* / D. Kiberd. – NY., 1995; Eagleton T. *Heathcliff and the Great Hunger: Studies in Irish Culture* / T. Eagleton. – L. – NY., 1995.
- ²³ Jackson E.-R. Gender, violence and hybridity: Reading the postcolonial in three Irish novels / E.-R. Jackson // *Irish Studies Review*. – 1999. – Vol. 7. – No 2. – P. 221 – 231.
- ²⁴ Herr Ch. *The Erotics of Irishness* / Ch. Herr // *Critical Inquiry*. – 1990. – Vol. 17. – No 1; Sharkey S. *Gendering inequalities: the case of Irish women* / S. Sharkey // *Paragraph*. – 1993. – Vol. 16. – No 1; Walshe E. *Sexing the Shamrock* / E. Walshe // *Critical Survey*. – 1996. – Vol. 8. – No 2. – P. 159 – 167.
- ²⁵ Holmes R. James Arbuckle and Dean Swift: cultural politics in the Irish confessional state / R. Holmes // *Irish Studies Review*. – 2008. – Vol. 16. – No 4. – P. 431 – 444.
- ²⁶ Salis L. Immigrant games: sports as a metaphor for social encounter in contemporary Irish drama / L. Salis // *Irish Studies Review*. – 2010. – Vol. 18. – No 1. – P. 57 – 68.
- ²⁷ Taylor T. *Living in a postcolonial world: class and soul in the commitments* / T. Taylor // *Irish Studies Review*. – 1998. – Vol. 6. – No 3. – P. 291 – 302.

НАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗМ: ЭССЕ, ПУБЛИЦИСТИКА, КОММЕНТАРИИ

Алина БОРЩЕВА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УКРАИНЕ (институт президентства в 1991 – 1996 гг.)

Автор анализирует специфику формирования института президентства в постсоветской Украине и его трансформацию в период первого президентского срока Л. Кучмы. Основное внимание в работе автор акцентирует на факторах, повлиявших на формирование институционального дизайна политической системы Украины.

Ключевые слова: институт президентства, политическая стратегия, динамика президентства, парламентские и президентские выборы, конституционный процесс

The author analyses the forms of institute presidency development in post-Soviet Ukraine and its transformation during the first presidential term of Leonid Kuchma. The author accents basic attention in factors which influence on institutional design of the political system of Ukraine formation.

Keywords: institute of presidency, political strategy, dynamics of presidency, parliamentary and presidential elections, constitutional process

Автор аналізує специфіку формування інституту президентства в пострадянській Україні і його трансформацию в період першого президентського терміну Л. Кучми. Основну увагу в роботі автор акцентує на чинниках, які вплинули на формування інституційного дизайну політичної системи України.

Ключові слова: інститут президентства, політична стратегія, динаміка президентства, парламентські і президентські вибори, конституційний процес

С момента обретения независимости на Украине начались процессы социально-экономических реформ и государственного строительства. Укрепление государственности требовало реорганизации советских учреждений таким образом, чтобы сделать их пригодными для управления современным государством, на территории которого проживало 52 миллиона жителей, а также способными охранять суверенитет Украины путем обеспечения его признания на международной арене. Самое главное, должен быть найден *modus Vivendi* в отношениях с Россией, что до некоторых пор было совсем не простой задачей. Стремясь к интеграции с Западом, Украина в то же время не должна была терять отношений с Россией.

Несмотря на то, что с точки зрения государственного строительства Кучма был модератором, он принял ряд смелых и конфронтационных шагов. В результате, вопреки всем ожиданиям, в июне 1996 года была принята новая конституция. Это борьба за институциональное разделение власти, проходившая на фоне экономических реформ стала отличительной чертой президентского срока Кучмы. Далее она будет проанализирована более детально. По иронии судьбы, хоть Кучма и был поддержан во втором туре президентских выборов со стороны коммунистического электората, после выборов он столкнулся с теперь враждебной по отношению к нему левой оппозицией в парламенте.

На выборах, электорат Кучмы, базирующийся в восточной и южной Украине, состоял из нескольких отдельных групп, таких как сторонники либеральных реформ, русскоязычных центристов и левых сил, выступавших против «романтического национализма» и изоляционизма Кравчука. Тем не менее, настроения против Кравчука обладали лишь недолгим объединяющим воздействием среди русскоязычных регионов Украины. Вскоре после выборов угроза потенциальной коалиции против центра в Восточно-украинских областях, которые поддерживали Кучму, потеряла свою актуальность, и стало отчетливо проявляться деление на Запад-Восток, подчеркивая тем самым региональный характер политики.

С начала нового парламентского срока весной 1994 года, доминирующая левая фракция, во главе с Коммунистической партией Украины (легализованная в октябре 1993 года), пыталась контролировать исполнительную власть в соответствии с традиционной советской моделью. Парламент взял на себя инициативу, выпустив меморандум о приостановлении приватизации, избрав в качестве председателя Александра Мороза - кандидата в президенты и лидера Социалистической партии Украины. После выборов «медовый месяц» вновь избранного законодательного органа и Президента длился до октября 1994 года, когда Кучма объявил долгожданное углубление экономических реформ. При поддержке некоторых социалистов и аграриев, удалось получить одобрение парламента его политической программы «Путь через радикальные экономические реформы».

Вопрос экономической реформы был тесно связан с вопросом об отмене советской системы государственного управления (покончить с коллективной ответственностью местных Советов и их подчинением Верховной Раде), и заменой ее на сильную цепь исполнительной команды, чтобы преодолеть политическое сопротивление реформам на региональном уровне. В то же время, обновленные левые силы в новом парламенте решительно выступали за политику под девизом «вся

власть Советам», которая даст полный контроль над экономическими реформами Верховной Раде. Их программа также предусматривала, что президентские прерогативы (которые были неясны в любом случае) можно будет обойти, что приведет в результате к сведению президентских полномочий Кучмы к чисто представительным и символическим функциям.

Короче говоря, политический курс Кучмы по проведению рыночных реформ и укреплению президентских полномочий столкнулся с оппозиционной программой левого блока по возрождению системы Советов и сохранению централизованной административной экономики. Левые силы в парламенте оказались самым большим препятствием на пути реализации программы Кучмы, который преувеличив свои предвыборные лозунги, встал на сторону центристской и правой фракций. Со своей стороны, правые национал-демократы столкнулись прагматичным выбором: либо вступить в союз с про-реформаторами, даже если идеологически неоднозначно относятся к Президенту и поддерживать укрепление президентских полномочий или выступить за защиту парламентских прерогатив.

Когда правые были в меньшинстве в парламенте, и оказались втянуты в ожесточенную идеологическую борьбу с левыми сторонниками жесткой линии, некоторые из которых даже отрицали легитимность украинского государства, национал-демократы обнаружили столь необходимого им союзника в лице Президента. К концу 1994 года программа государственного строительства Кучмы через экономические реформы расколола парламент на про-и анти-реформистские фракции. Консервативные левые, с чуть более одной трети мест, не могли блокировать законодательный процесс. Тем не менее, они держали под своим контролем конституционный вопрос, рассмотрение которого требует квалифицированного большинства.

В то же время, Кучма открыто высказал свое недовольство Конституцией 1978 года. Он неоднократно заявлял, что он не может работать в такой аморфной правовой среде. Тем не менее, перспективы быстрого принятия новой конституции были довольно призрачными. Процесс разработки новой конституции был долгим. В октябре 1994 года была сформирована конституционная комиссия, совместно возглавляемая Кучмой и председателем парламента - Александром Морозом. В нее был включен весь спектр политических сил, парализованный с самого начала, выступавший против целей своих членов. Основные разногласия были между левым блоком возглавляемым Морозом и правоцентристскими силами, в число которых входил Президент.

Помимо трудностей с формой (одно-или двухпалатный) и функциями парламента одним из основных препятствий к достижению компромисса стали вопросы, связанные со статусом русского языка, вопросы о частной собственности, социально-имущественных правах, статусе Крыма, а также о полномочиях Президента. Чтобы ускорить работу Комиссии, Кучма предложил временное решение конституционного тупика и выступал за разделение властей, более благоприятное для Президента. Он хотел, чтобы расширение Президентских полномочий стало основой новой Конституции. С этой целью в декабре 1994 года он подал в парламент проект закона «О государственной власти и местном самоуправлении», который разделял власть по горизонтальным (Президент-Парламент-Правительство) и вертикальным (центр-местного самоуправления) линиям. И все же, первый вариант закона после шестимесячной задержки пересмотренный во втором чтении был принят как проект и собрал только простое большинство голосов от правоцентристской коалиции.

При принятии закона о необходимости поправок к Конституции 1978 года (требуется 2/3 парламентского большинства), левые фракции осуществляя свою прерогативу проголосовали против него. Кучма, в свою очередь, не способный обеспечить поддержку левых, используя чрезвычайно высокий рейтинг, решил провести референдум о доверии Президенту и Парламенту. Парламент заявил, что это решение неконституционно и предпринял попытку заблокировать референдум. Даже национал-демократы опасались повторения событий белорусского референдума, который состоялся примерно в то же время, поставив под угрозу суверенитет Беларуси. Тем не менее, Президент объявил парламентское вето нарушением конституции и полномочий Президента, и продолжил движение в том же направлении. После последней минуты переговоров между правоцентристской фракцией было принято решение в виде специальной временного Конституционного соглашения (Конституционный договор) между Парламентом и Президентом. Заключение договора было важным политическим компромиссом.

Договор должен был действовать до принятия новой Конституции Украины с целью обеспечения дальнейшего развития и успешного завершения конституционного процесса в Украине. Претворение в жизнь положений Конституционного договора создавало надежную правовую базу для деятельности администрации Президента и других органов исполнительной власти. Значительно расширялся круг их полномочий и влияние на экономические и общественные процессы. Президент Украины был признан главой государства и руководителем

исполнительной ветви власти. Он лично назначал состав Кабинета Министров и премьер-министра. Уже 8 июня 1995 г. на должность премьер-министра была предложена кандидатура Е. Марчука, который долгое время работал в органах государственной безопасности, а с октября 1994 г. исполнял обязанности вице-преьера.

В противовес законодательной власти Президент имел право отказать от программы Правительства и вынести вотум недоверия Правительству не ранее, чем через один год после образования Правительства.

По сути, Кучме была предоставлена мощная прерогатива. Основным ограничением было только то, что ему было отказано в праве распустить Парламент (в то время парламент не мог отстранить от должности Президента), и имел срок действия в течение одного года. Договор представил массовый переход к полупрезидентской системе, аналогично введенной в России в декабре 1993 года. Тем не менее, последствия таких рамок в конституционной практике было ограничено. Договор вносил поправки к Конституции 1978 года и был принят простым большинством голосов (240 депутата проголосовали за, а не требуемое минимальное количество 301), и некоторые левые депутаты окрестили его конституционным путчем.

Принятие конституционного договора продемонстрировало растущую конфронтацию в Парламенте, которая оказалась больше репетицией перед решающей битвой за конституцию, а не законным разграничением власти, на которое надеялся Кучма. Тем не менее, конституционная комиссия во главе с Кучмой и Морозом, не смогла договориться об основных принципах новой конституции. Отношения законодательной, исполнительной ветвей власти оставалось одним из основных предметов спора. Таким образом, конституционный проект возник в результате работы группы экспертов (при близком, хотя неформальном надзоре со стороны Президента Кучмы и его администрации). Отличительной чертой этого проекта, который был официально представлен в парламент в марте 1996 года, кроме двухпалатного законодательного органа, было наделение Президента широкими законодательной и номинативной функциями, основанными на тех, которые предоставлялись Президенту конституционным договором.

Однако, если право-центристская группировка в целом поддерживала программу экономических реформ Президента, тем не менее она не была склонна к закреплению сильной президентской власти в новой конституции. Было отмечено, что с тех пор, президент Кучма ориентировался не столько на получение разрешения на законода-

тельном уровне проведения экономических реформ, за которые он выступал, как на консолидацию максимальной политической власти, о чем свидетельствует мартовский проект конституции. Аргументация позиции Кучмы была следующая: реформы не могут быть реализованы без поддержки парламента, если не будет реформ то нет и никакой поддержки со стороны парламента, таким образом, Президенту нужно больше полномочий, чтобы обойти obstructивный Парламент.

В свою очередь, позиция парламентариев заключалась в создании системы институциональных сдержек и противовесов. Они не хотели допустить зависимости от всемогущей исполнительной власти Президента, особенно если он окружен такими людьми, как спорная фигура начальника Администрации Президента Дмитрий Табачник. Тем не менее, коммунисты саботировали разработку новой конституции 20 оставляя мало времени для ее принятия, исходя из того что, в России предстоят президентские выборы. Украинские коммунисты пытались задержать принятие новой конституции, в надежде на то, что в России придет к власти коммунистический президент, укрепления их аргументы в пользу возврата советской системы.

При таких обстоятельствах, разногласия между антикоммунистическими силами в парламенте исчезли. Тем не менее, в парламентской оппозиции не было единства мнений по многим вопросам: во-первых создание двухпалатного законодательного органа и, во-вторых, сокращение собственных прерогатив взамен на сильного Президента. Было очевидно, что если Верховная Рада намерена принять Конституцию (или даже одобрить проект до конституционного референдума - форма его прохождения неизвестна), в марте проект должен быть изменен, чтобы обеспечить получение не только конституционного, но даже простого большинства голосов.

Таким образом, исправление дисбаланса между ветвями власти стало одной из главных задач парламентской специальной комиссии, которая пыталась примирить фракции в парламенте в период с марта по июнь 1996 года. В то же время, Кучма и его администрация активно лоббировали в пользу своей версии, через некоторых лояльных членов фракций правоцентристского толка. Значительно измененный проект конституции, с ограниченными, но все же существенными, полномочиями Президента, был вынесен на голосование в первом чтении простым большинством голосов в начале июня 1996 года. Тем не менее, со многими нерешенными вопросами и, самое главное с отклонением коммунистической фракцией первого проекта, конституционный процесс зашел в тупик, оставляя туманной перспективой сбор конституционного большинства. Однако подобная ситуация бы-

ла на руку Кучме для того, чтобы повторить сценарий принятия Договора.

Утверждая, что Верховная Рада не смогла принять основной закон, он издал указ вынести конституционный проект марта 1996 (который был сильно смещен в пользу Президента) на референдум. В ответ на это под умелым руководством Мороза, левые силы поддались давлению и парламент после всенощной дискуссии квалифицированным большинством голосов 28 июня 1996 года, наконец, принял конституцию. 315 депутатов проголосовали за, 30 против, 12 воздержались.

Согласно новой Конституции, Президент - от имени главы государства - имеет, помимо прочего, право:

(1) назначать Премьер-министра с согласия Верховной Рады;

(2) назначать с представления премьер-министра членов Кабинета Министров, руководителей центральных органов исполнительной власти,

(3) уволить премьер-министра и министров в одностороннем порядке; (Верховная Рада может уволить Кабинет Министров и вынести вотум недоверия, но только с некоторыми оговорками);

(4) наложить вето на парламентские законопроекты;

(5) инициировать новое законодательство;

(6) назначать по представлению премьер-министра глав областей и районов,

(7) отменять решения Кабинета Министров и Правительства Крыма;

(8) издавать указы по экономическим реформам (по предложению Кабинета Министров и подписанный Премьер-министром) в течение трех лет с момента принятия Конституции.

Кроме того, Президент может быть удален только через сложную процедуру импичмента в случае государственной измены или другого преступления. С другой стороны, Президент был лишен права распускать Раду. Очевидно, что Президенту были предоставлены меньшие полномочия чем те, что были закреплены в конституционном договоре. Тем не менее, Договор был ратифицирован только простым большинством голосов и не мог полностью узаконить более широкие prerogatives Президента. В отличие от Договора Конституция была принята требуемым большинством в Верховной Раде, в том числе с Александром Морозом (ярким противником Кучмы). Президент как, прежде всего, защитник нового конституционного порядка, одержал победу вместе с правоцентристской фракцией.

Тем не менее, это было ясно, что Конституция была принята только благодаря «ситуационному большинству», то есть в результате временного расстройтва левого блока, который разделился на умеренных и сторонников жесткой линии. Еще до того, как высохли чернила на основном законе и улеглась эйфория, разочарованные левые силы разработали успешное наступление для того, чтобы устранить тех депутатов, которые незаконно объединили свой депутатский мандат с должностью в органе исполнительной власти и эффективно действовал как своего рода пятая колонна Президента в законодательном органе. В действительности, далеко идущие перестановки среди парламентских фракций имели место в пропрезидентском центре и в части государственных фракциях, которые впоследствии объединились в Конституционный центр.

Хотя Конституция по сути создала президентско-парламентскую систему с двойным контролем над правительством, это был продукт далеко идущих компромиссов. Многие из ее положений были либо расплывчатые, либо делали многочисленные ссылки на обычные законы.

Как отмечалось выше, в течение своего президентского срока Кучма был помещен в центр политических событий на Украине. Это контрастирует с Кравчуком. Будучи напористым на международной арене, Кравчук проводил половинчатую политику внутри страны, ему не удалось создать сильную президентскую власть с точки зрения политического генерирования и институционализации. Попытки использовать национальную идею для заполнения образовавшегося после 1991 года идеологического вакуума на Украине не нашли отклик среди людей, которым было трудно идентифицировать себя с его риторикой национально-государственного строительства на фоне сопутствующих экономических трудностей.

Таким образом, Кравчук был несомненно умеренным, здравым президентом для «нормальных времен». Соответственно аргументы в пользу более решительного руководства государства были обоснованы. Перед лицом растущего разочарования в годы независимости, выборы Кучмы, с поддержкой на востоке и юге Украины, имели решающее значение хотя бы для сохранения видимости национального единства. Новый президент перенаправил внимание на конкретные, осязаемые аспекты государственности и предложил более рациональную программу государственного строительства. Беспартийный президент Кучма был вынужден перемещаться между поляризованными политическими группировками и блоками, размещая конкурирующие повестки дня идеологически.

С точки зрения построения союза, он построил широкую, хотя и несколько хрупкую, коалицию против коммунистических сил, которые выступали против экономических реформ и отвергали институт президентства. Кучма был президентом, который вел центристскую политику, и тем самым помог хотя бы на время сгладить глубокий раскол в украинском политическом спектре и обществе. Получив в наследство плохо определенные должности, главным приоритетом Кучмы было установление конституционно широких прерогатив Президента. В этом отношении, его решимость завершить выработку конституции сыграла важную роль в преодолении паралича и дрейфа Украины, свойственных первым годам независимости. Парламент, редко способный на активные меры, ответил на угрозу Президента и принял новую конституцию. В долгосрочной перспективе прогрессивная институционализация является неотъемлемым аспектом консолидации в любом современном государстве. Любые четкие разграничения полномочий является более желательным, чем длительная разрушительная борьба за институциональное разделение власти.

СЕПАРАТИЗМ В БЕЛЬГИИ: ИСТОКИ, ОСОБЕННОСТИ, ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Автор анализирует сложную этническую и политическую ситуацию в Бельгии. Бельгийские элиты сталкиваются с многочисленными политическими и экономическими проблемами. Национальные и региональные противоречия играют особую роль в политической дестабилизации страны.

Ключевые слова: Бельгия, Европа, национализм, регионализм, сепаратизм

The author analyses a difficult ethnic and political situation in Belgium. The Belgian elites face with numerous political and economic problems. National and regional contradictions play special role in political destabilization of the country.

Keywords: Belgium, Europe, nationalism, regionalism, separatism

Автор аналізує складну етнічну і політичну ситуацію в Бельгії. Бельгійські еліти стикаються з численними політичними і економічними проблемами. Національні і регіональні суперечності виконують особливу роль в політичній дестабілізації країни.

Ключові слова: Бельгія, Європа, націоналізм, регіоналізм, сепаратизм

Бельгийский сепаратизм на современном этапе представляет собой одну из наиболее актуальных проблем, а также политический вызов для Европы и проекта европейской интеграции в целом.

Одна из самых развитых стран Европы находится на грани раскола и вполне способна изменить за собою не только политическую карту Европы, но и ход развития ЕС и НАТО. Бельгия была членом-основателем Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), Европейского экономического сообщества (ЕЭС), которое преобразовано в Европейский союз (ЕС). Бельгия входит в состав Совета Европы, Западно-Европейского Союза (ЗЕС) и НАТО. Штаб-квартиры всех этих организаций, а также ЕС находятся в Брюсселе. Сильные разногласия между франкоговорящей (волонской) и фламандской частями населения могут вылиться в окончательное разделение. Франкоговорящие валлоны на юге и говорящие по-фламандски жители Фландрии на севере не могут друг с другом договориться практически ни по одному вопросу: начиная от экономики и заканчивая войной в Ливии. Многие аналитики, в том числе господин Жозе Мануил Дуран Баррозу (председатель европейской комиссии) полагают, что страна в конечном итоге распадется на две части. Евросоюз боится, что распад в Бельгии зажжет искру по всей Европе¹: Каталония отделится от Испании²³⁴, Шотландия от Британии⁵⁶ и Бавария от Германии и так далее. В Бель-

гии уже наблюдается, как акции сепаратистов в смешанных городах оборачиваются насилием – даже с применением огнестрельного оружия. И еще чуть-чуть – и Брюссель может превратиться в Сараево.

Конфликт, который обернулся массовыми убийствами, не виданными со времен Второй мировой войны. Югославия распалась, и соседи стали воевать друг против друга.

Не стоит недооценивать решимость региональной идентичности. После окончательного отделения от Фландрии валлоны начнут думать в сторону соединения с Францией, поскольку существовать в одиночку, будучи крошечным регионом, не очень привлекательная идея. Сторонники объединения с Францией говорят, что у них есть и флаг и все остальное для того, чтобы стать 28-м регионом Франции. Остальное – вопрос деталей. Бельгийская националистическая партия «Новый фламандский альянс» одержавшая победу на выборах в местные органы власти выступает за максимальную независимость Фландрии, которая приносит в национальный бюджет больше доходов, чем франкоязычная Валлония, получающая значительные государственные дотации. Эксперты отмечают, что в связи со значительным ростом популярности радикальных политических взглядов у партии появился шанс успешно проявить себя на выборах в федеральный парламент в 2014г.

Тенденция к сепаратизму в Европе, проявляющаяся, не только на уровне национальных групп или партий, но и на уровне правительств, не может не настораживать.

Существует версия, что это пресловутое строительство Германией очередного рейха. Рассыпание Европы выгодно Берлину. В настоящее время в Европе мы наблюдаем весьма интересный процесс – идет постепенная ломка суверенитета европейских национальных государств (и их самих на обломки) в пользу надгосударственных структур, причем уже скорее не Евросоюза, который уходит в небытие, а будущей фашистской Европейской империи. Для этого используют два основных метода – искусно подогреваемый долговой кризис, который лишает благополучия и спокойствия европейских обывателей, толкает их на путь радикализма и политика Брюсселя по регионализации стран Старого Света. Обломки старой Испании или Италии намного легче вписать в новый порядок, чем большие национальные страны с вековыми государственными традициями⁷. Одновременно с помощью темы миграции и исламизации людей толкают на путь неонацизма, фашизма. Появление новой «сепаратистской карты» послужит для Германии огромным преимуществом только в том случае, если навяжет ЕС свою антикризисную стратегию. Но пока немцы слу-

жат Евросоюзу скорее «дойной коровой», нежели «восходящей звездой»

Есть и еще одна версия, что в ЕС рвется к власти бюрократия. Сторонники теории верят в то, что «сепаратистских овец» пасет «брюссельский пастух». Вернее, пасут пастух и подпасок — Мануил Баррозу и Херман Ван Ромпей (председатель Европейского Совета). Вероятно, это они, а также и Европарламент, потворствуют «Левым республиканцам Каталонии», Шотландской национальной партии, корсиканским автономистам и другим «борцам за независимость». Председатель Еврокомиссии Жозе Баррозу уже пообещал превратить Евросоюз в «федерацию национальных государств», обозначив и дату – 2014 год.

В случае изменений на политической карте Европы новым государствам придется с самого начала проходить все бюрократические процедуры, дабы добиться членства в желанном ЕС. А ведь это как минимум несколько лет мучительных переговоров и соблюдения всяких там правил и предварительных процедур. Успех движения за независимость и сила сепаратистских движений в целом сопровождаются серьезными потрясениями в европейском геополитическом порядке. Подобные потрясения и следом за ними перекройки границ. В случае распада ЕС под тяжестью своих внутренних проблем, последует изменение геополитического порядка на пространстве Европы: развал Союза даст возможность и политическое пространство для самых разных национализмов в Европе.

¹ Сепаратизм в Бельгии может заразить остальную Европу. – (<http://www.inosmi.ru/video/20110729/172623795.html>)

² Сальвадо Л. Каталония станет независимой социальной республикой / Л. Сальвадо. – (<http://www.sensusnovus.ru/interview/2012/11/19/15045.html>)

³ Кирчанов М.В. Проблемы принятия нового Статута Каталонии и перспективы развития каталонского национализма / М.В. Кирчанов // Вестник Екатеринбургского Института. – 2010. – № 4. – С. 114 – 118

⁴ Кирчанов М.В. Националистическая модернизация (каталонский опыт) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: «Научная книга», 2010. – 151 с.

⁵ Референдум о независимости Шотландии пройдет 18 сентября 2014 года. – (<http://ria.ru/world/20130321/928415690.html>)

⁶ Апрыщенко В.Ю. В поисках национальной идентичности: «внезапная смерть шотландской истории» / В.Ю. Апрыщенко // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. – М., 2006.

⁷ Германия поощряет сепаратизм. – (<http://www.rodon.org/polit-120919125646>)

НАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Максим **КИРЧАНОВ**

РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: МЕЖДУ НАЦИЕЙ И КЛАССОМ (1920-е – первая половина 1950-х гг.)

Автор анализирует процессы трансформации русской идентичности в ранний советский период. Русские были той нацией, которая в наименьшей степени смогла воспользоваться результатами распада Российской Империи. Большевики не создали русскую государственность и поэтому русская идентичность и национализм развивались только в культурной сфере. Русская идентичность изменилась, обрела политический характер. Универсальным инструментом ее трансформации стала идеологизация и принудительная интеграция в новый официальный советский канон политической лояльности.

Ключевые слова: Россия, русская идентичность, советизация, русская литература

The author analyses processes of Russian identity transformation in an early Soviet period. Russians were among nations which in the least degree was able to take advantage of Russian Empire disintegration results. Bolsheviks did not establish Russian statehood and Russian identity and nationalism developed only in a cultural sphere. The Russian identity changed and transformed from national to political identity. Ideologization became the universal instrument of its transformation and forced integration in a new official Soviet canon of political loyalty.

Keywords: Russia, Russian identity, Sovietization, Russian literature

Автор аналізує процеси трансформації російської ідентичності в ранній радянський період. Росіяни були тією нацією, яка в найменшій мірі змогла скористатися результатами розпаду Російської Імперії. Більшовики не створили російську державність і тому російська ідентичність і націоналізм розвивалися тільки в культурній сфері. Російська ідентичність змінилася, став переважно політичною. Універсальним інструментом її трансформації стала ідеологізація і примусова інтеграція в новий офіційний радянський канон політичної лояльності.

Ключові слова: Росія, російська ідентичність, радянська література

Русская литература в Советском Союзе между двумя мировыми войнами и после завершения Великой Отечественной Войны развивалась как преимущественно идеологическая. Идеологизации и полити-

зации подверглись не только прозаические жанры, но и поэзия, которая также была поставлена на службу официальной идеологии. Советские политические элиты понимали потенциал поэтических текстов¹ в деле идеологизации масс и воспитания лояльного советского гражданина. В подобной ситуации советская поэзия функционировала как преимущественно идеологическая форма творчества, а ее авторы обслуживали политический заказ. Именно поэтому в рамках советской русской поэзии возникали и предлагались тексты сомнительной художественной ценности, но с несомненным политическим значением. В центре подобных произведений были образы коммунистической партии, революционной борьбы, советских вождей...

Центральным героем в русской поэзии в условиях идеологизации стал народ, революционер и большевик. Демьян Бедный называл в качестве основного героя «родной народ, страдалец трудовой»², подчеркивая растущее классовое самосознание, направленное против помещиков³. В текстах Никифора Тихомирова фигурируют «родные братья... рабочий и мужик»⁴, Алексея Крайского – «кули, жнецы, гончары, кочегары, каменщики, углекопы, ткачи»⁵, Михаила Артамонова – «батраки, беднота и солдаты»⁶, Ивана Ерошина – «рабы труда»⁷, Якова Городского – «непокорная когорта невольников от всей земли»⁸ и «упрямые большевики»⁹, в произведениях Павла Арского – «мятежные солдаты»-большевики¹⁰, приговоренные к казни. Героями Василия Князева стали «коммунары», «сыны фабрик и вольного луга»¹¹, «гордость Коммуны – красный матрос»¹² или «женщины Коммуны»¹³. Среди героев Демьяна Бедного был и «большевик видный»¹⁴. В текстах Павла Радимова героем является человек нового типа – советский человек – «комбайнер Чикмасов», который трудится на «благо родины в труде едином, в борьбе за общий мир, за счастье всех людей»¹⁵. Героями Якова Городского стали новые люди, порожденные «весной Октября»¹⁶. В этом контексте революции отводилась почти мистическая роль сотворения нового мира. Одной их героинь Эдуарда Багрицкого стала умирающая пионерка¹⁷, которая отвергла принесенный матерью нательный крестик как социально и идеологически чуждый, а у Якова Городского фигурирует печально известный своей жестокостью, но идеализированный в советской пропаганде Матэ Залка – «неугомонный венгерец»¹⁸. В качестве героя Василия Александровского фигурировал некий новый универсальный человек будущего – «всеобъемлющий Пролетарий», который идет «к новым солнцам и мирам»¹⁹. Аналогичные мотивы характерны и для Владимира Кириллова, герои которого предстают как «певцы машины»²⁰. В целом, новые герои, созданные советскими поэтами в 1920 – 1930-е годы, сви-

детельствуют о разрыве со старой идентичностью, отказом от традиций (например, от религии) в пользу новой, тогда еще формирующейся, советской идентичности.

Культивирования образов самости и только новой идентичности было явно недостаточно для формирования в 1920 – 1930-е годы нового русского советского самосознания. В подобной ситуации советские русские авторы усиленно использовали нарративы, призванные подчеркнуть образ революционера не только как борца, но и как жертвы универсальных социальных Других. Именно поэтому русские советские поэты, содействуя идеологизации литературы, активно продвигали образы универсальных Других, в качестве которых, как правило, выступали враги советской власти. Усилиями Алексея Крайского культивировались образы генералов, у которых «дрожат эполеты»²¹, как организаторов контрреволюции. Владимир Луговской отмечен образом «басмача» как врага революции в Средней Азии²², а Яков Городской – «злыми деникинцами с холодными ружьями»²³ и «пилсудчиной»²⁴. В качестве универсальных социальных Других в текстах Демьяна Бедного, например, фигурировали «бледный, трясущийся, словно помешанный, страхом смертельным внезапно ужаленный мечется – клубный делец накрахмаленный, плут-ростовщик и банкир продувной, мануфактурщик и модный портной, туз-меховщик, ювелир патентованный»²⁵. Во второй половине 1950-х годов спектр образов Других в русской советской поэзии в значительной степени расширился, хотя те принципы, в соответствии с которыми он формировался, фактически остались неизменными. Кроме классовых врагов местного значения добавились международные противники, в первую очередь – США и связанные с ними образы американского империализма. В одном из стихотворений советского русского поэта Сергея Смирнова противопоставляются СССР и США. Советский Союз позиционируется как чрезвычайно прогрессивное государство будущего в то время как Соединенные Штаты – страна «вчерашнего дня»²⁶. К американским образом в советской русской поэзии примыкали те нарративы, которые были призваны сформировать негативный образ западного капитализма и связанных с ним империализма и колониализма, что, например, относится к тексту Екатерины Шевелевой «Девочка из Гонгконга»²⁷.

Советизация русской поэзии не исключала некоторых проявлений национального русского чувства. Демьян Бедный, например, стремился культивировать образ большевиков как защитников русских национальных интересов, территориальной целостности: «Будь такие все, как вы, ротозеи, что б осталось от Москвы, от Расеи?». Парал-

лельно им культивировался новый образ России как идеального советского Отечества: «Русь родная, вольный край, край советский»²⁸. В русской советской поэзии, например, у Степана Щипачева, родина почти всегда ассоциировалась с Коммунистической Партией²⁹, что в значительной степени содействовало идеологизации литературы. В текстах В. Князева Советская Россия фигурирует как «Русь» и «край родной»³⁰, а у Николая Тихонова – родина «ста народов»³¹. В этом отношении русский советский национализм продолжал традиции старого, преимущественно – имперского, русского национализма. С другой стороны, в поздних текстах Демьяна Бедного национальные ноты звучали более слышимо: в 1941 году он апеллировал уже не к классовому сознанию, а к «своему народу», «несокрушимой тысячелетней вере» и «истории суровой»³².

В середине 1950-х годов советские российские авторы могли более открыто проявлять свои национальные чувства: в частности, Сергей Островой писал о «необъятнейшем слове» – России³³. Яков Вохменцев в стихотворении «Родное слово»³⁴ в середине 1950-х годов пытался указать на важность русского языка для сохранения русской идентичности в СССР. Анатолий Ольхон в своих текстах стремился актуализировать преемственность между исторической и Советской Россией, указывая на неразрывность ее истории и связь поколений³⁵. Аналогичные настроения проявились и в стихотворении Марка Лисянского «Родина», в котором СССР – «мать для всех народов... Родина Ленина»³⁶ – предстает одновременно как Россия и как Советский Союз – страна, объединившая русское и советское.

Особую роль в развитии русской советской поэзии между двумя мировыми войнами играл корпус текстов, посвященных советским лидерам, в первую очередь – В.И. Ленину. Александр Безыменский в стихотворении «Партбилет № 224332» позиционировал Ленина в качестве центральной фигуры в Коммунистической партии, одновременно декларируя верность ей и готовность привлечь в ее ряды новых членов: «я слушал Партию и боль ее почувял... я в Партию иду. Я – Сын Страны Советов. Ты слышишь, Партия? Даю тебе обет: пройдут лишь месяцы – сто тысяч партбилетов заменят ленинский утраченный билет»³⁷. В текстах Михаила Исаковского В. Ленин также предстает в качестве «надежды и правды России... ее славы, счастливой судьбы»³⁸, то есть как центральная фигура русского национального мифа в его коммунистической версии. Мифологизации В. Ленина содействовал и Марк Лисянский, в одном из стихотворений которого Ленин предстает как спаситель мира: «сияло имя Ленина, идя в века, перешагнув поля, моря России, и не было такого уголка, где б это имя

не произносили»³⁹. Николай Тихонов создал образ Ленина как универсального правителя, которому готовы подчиняться все народы, в том числе – и Востока⁴⁰.

Демьян Бедный отметил ряд стихотворений, посвященных Ленину, где первый советский лидер предстает как некий пророк и новая миссия, за которым шли «тысячи лаптишек и опорок»⁴¹, а рождению Ленина в 1870 году советскими авторами начал придаваться почти мистический смысл («Никто не знал, Россия вся не знала, крест неся привычный, что в этот день, такой обычный, в России... Ленин родился»⁴²), что было одним из важнейших элементов формирования в СССР культа личности Ленина. В стихотворении Веры Инбер «Пять ночей и дней» о смерти В.И. Ленина скорбит сама природа⁴³. В поэме Василия Казина «Великий почин» Ленин фигурирует как подлинно народный вождь⁴⁴. В текстах С. Смирнова образ Ленина представлен в лучших традициях советской культуры потребления, как узнаваемый и упрощенный образ человека с кепкой на броневику: «он стоит уверенно и крепко, под ногами сталь броневика, не винтовку, а простую кепку, стиснула горячая рука»⁴⁵. В произведениях Владимира Кириллова Ленин наделен почти религиозными атрибутами и выступает в качестве «Спасителя, земли властелина, владыки сил титанических»⁴⁶. В некоторых текстах В. Князева Ленин фигурирует как «любимый и родной отец»⁴⁷, в произведениях Александра Поморского – выразитель народного гнева⁴⁸.

Помимо В.И. Ленина в создаваемый усилиями русских советских поэтов входили и другие деятели советской истории. Кроме В. Ленина героем советизированной русской поэзии в 1920-е годы стал С. Буденный, который «нанес лихой удар по злобному врагу»⁴⁹. Аналогичную судьбу разделил и Киров, образ которого в некоторых текстах Леонида Хаустова может конкурировать с образами Ленина: «и теперь, когда я слышу – Кирова, вижу не из бронзы отлитым, не портреты в школах и квартирах, вижу все ясней его живым»⁵⁰. Благодаря усилиям Осипа Колычева в неформальный пантеон советских «отцов нации» попал К. Ворошилов⁵¹. В поэтический пантеон попал и «матрос Железняк, партизан»⁵². Особое внимание русские советские поэты уделяли лейтенанту Шмидту, который позиционировался как жертва самодержавия⁵³. Из невоенных фигур в советский пантеон был интегрирован Мичурин⁵⁴.

Советская русская поэзия на протяжении 1920 – 1950-х годов играла особую роль в формировании и укреплении новой советской русской идентичности. Советская русская поэзия в анализируемый период развивалась вокруг нескольких, преимущественно – политических

и идеологически выверенных – тем. Важнейшими темами в русской советской поэзии стали тема революционной борьбы, истории коммунистической партии, образы деятелей революционного и коммунистического движения. Кроме этого усилиями советских поэтов формировался аттрактивный образ Советского Союза как наиболее правильного, почти – идиллического, государства. В рамках советской поэзии имели место попытки синтезировать русское и советское, но в 1920 – 1950-е годы она развивалась как преимущественно идеологическая. Поэтому, в большинстве поэтических произведений, созданных в этот период, доминировал идеологический коммунистический, а не национальный (русский) контент. Политические перемены середины 1950-х годов в определенной степени содействовали либерализации русской советской поэзии, актуализации ее русских и национальных трендов, о чем речь пойдет в последующих разделах настоящей монографии.

¹ В настоящей статье Автором анализируются те тексты, которые были созданы именно советскими русскими поэтами после 1917 года. Тексты русских поэтов, которые начали свое творчество до 1917 года, не рассматриваются. Автор полагает, что они заслуживают того, чтобы быть объектом самостоятельного исследования, посвященного русскому культурному национализму в Российской Империи и его отголоскам.

² Демьян Бедный, Мой Стих / Демьян Бедный // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957 / общ. ред. В.А. Луговской и др., сост. Л.О. Белов и др. – М.: ГИХЛ, 1957. – Т. 1. – С. 108.

³ Демьян Бедный, Молодняк / Демьян Бедный // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 108 – 109.

⁴ Тихомиров Н. Братья / Н. Тихомирова // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 139.

⁵ Крайский А. Грани грядущего / А. Крайский // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 142.

⁶ Артамонов П. Братанье / П. Артамонов // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 132.

⁷ Ерошин И. Революция / И. Ерошин // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 134.

⁸ Городской Я. Перед зарей / Я. Городской // Городской Я. Отступление смерти / Я. Городской. – Киев: Издательство художественной литературы «Дніпро», 1968. – С. 13.

⁹ Городской Я. Тарас Шевченко / Я. Городской // Городской Я. Отступление смерти / Я. Городской. – Киев: Издательство художественной литературы «Дніпро», 1968. – С. 17.

¹⁰ Арский П. Ночь / П. Арский // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 131.

¹¹ Князев В. Песня коммуны / В. Князев // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 125 – 126.

¹² Князев В. Красный матрос / В. Князев // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 127 – 128.

¹³ Князев В. Женщинам Коммуны / В. Князев // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 129 – 130.

¹⁴ Демьян Бедный, Тяга / Демьян Бедный // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 115 – 120.

¹⁵ Радимов П. Вечер в полях / П. Радимов // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 213.

¹⁶ Городской Я. Две весны / Я. Городской // Городской Я. Отступление смерти / Я. Городской. – Киев: Издательство художественной литературы «Дніпро», 1968. – С. 11.

¹⁷ Багрицкий Э. Смерть пионерки / Э. Багрицкий // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 477 – 482.

¹⁸ Городской Я. Матэ Залка / Я. Городской // Городской Я. Отступление смерти / Я. Городской. – Киев: Издательство художественной литературы «Дніпро», 1968. – С. 79.

¹⁹ Александровский В. Я выпил сотни солнц / В. Александровский // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 158.

²⁰ Кириллов В. Жрецам искусства / В. Кириллов // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 163 – 164.

²¹ Крайский А. Декреты / А. Крайский // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 141.

²² Луговской В. Басмач / В. Луговской // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 488 – 490.

²³ Городской Я. 1919 год / Я. Городской // Городской Я. Отступление смерти / Я. Городской. – Киев: Издательство художественной литературы «Дніпро», 1968. – С. 14.

²⁴ Городской Я. Год 1920-й / Я. Городской // Городской Я. Отступление смерти / Я. Городской. – Киев: Издательство художественной литературы «Дніпро», 1968. – С. 15.

²⁵ Демьян Бедный, Главная улица / Демьян Бедный // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 111 – 115.

²⁶ Смирнов С. Два флага / С. Смирнов // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957 / общ. ред. В.А. Луговской и др., сост. Л.О. Белов и др. – М.: ГИХЛ, 1957. – Т. 2. – С. 420 – 421.

²⁷ Шевелева Е. Девочка из Гонгконга / Е. Шевелева // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 2. – С. 497.

²⁸ Демьян Бедный, Проводы / Демьян Бедный // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 109 – 110.

-
- ²⁹ Щипачев С. На парткоме / С. Щипачев // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 2. – С. 41.
- ³⁰ Князев В. Сын коммунара / В. Князев // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 126 – 127.
- ³¹ Тихонов Н. Советский флаг / Н. Тихонов // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 283 – 284.
- ³² Демьян Бедный, Я верю в свой народ / Демьян Бедный // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 124.
- ³³ Островой С. Я в России рожден / С. Островой // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 2. – С. 314 – 315.
- ³⁴ Вохменцев Я. Родное слово / Я. Вохменцев // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 2. – С. 745 – 746.
- ³⁵ Ольхон А. Восточно-Сибирское море / А. Ольхон // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 2. – С. 341.
- ³⁶ Лисянский М. Родина / М. Лисянский // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 2. – С. 597 – 599.
- ³⁷ Безыменский А. Партбилет № 224332 / А. Безыменский // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 240 – 241.
- ³⁸ Исаковский М. Дума о Ленине / М. Исаковский // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 688 – 689.
- ³⁹ Лисянский М. Слава / М. Лисянский // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 2. – С. 599.
- ⁴⁰ Тихонов Н. Сами / Н. Тихонов // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 276 – 278.
- ⁴¹ Демьян Бедный, Снежинки / Демьян Бедный // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 120 – 121.
- ⁴² Демьян Бедный, Никто не знал... / Демьян Бедный // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 121.
- ⁴³ Инбер В. Пять дней и ночей / В. Инбер // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 347.
- ⁴⁴ Казин В. Великий почин / В. Казин // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 224 – 228.
- ⁴⁵ Смирнов С. Ленин / С. Смирнов // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 2. – С. 423.
- ⁴⁶ Кириллов В. Железный мессия / В. Кириллов // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 161 – 162.
- ⁴⁷ Князев В. Ильич в Петрограде / В. Князев // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 130.
- ⁴⁸ Поморский А. Июль / А. Поморский // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 136.
- ⁴⁹ Поморский А. Дальневосточная / А. Поморский // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 137 – 138.
- ⁵⁰ Хаустов Л. Киров / Л. Хаустов // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 2. – С. 618 – 619.
- ⁵¹ Колычев О. Песня о Ворошилове / О. Колычев // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 644.
- ⁵² Голодный М. Партизан Железняк / М. Голодный // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 389 – 390.
- ⁵³ Петровский Д. Расстрел лейтенанта Шмидта / Д. Петровский // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 1. – С. 561 – 562.
- ⁵⁴ Щипачев С. Мичурин / С. Щипачев // Антология русской советской поэзии. 1917 – 1957. – Т. 2. – С. 41 – 42.

ЛАТЫШСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ ОККУПАЦИИ: ЯЗЫКОВОЕ ВООБРАЖЕНИЕ, ЛОЯЛЬНОСТЬ И НАЦИОНАЛИЗМ

Язык играет одну из важнейших ролей в развитии национализма и национальной идентичности. Латвийский язык был одним из определяющих факторов в становлении и развитии современной латвийской нации. В советский период латвийский язык был одним из маркеров принадлежности к латвийской нации. С другой стороны, в советский период латвийский язык был подвергнут значительной принудительной советизации. Проблемы трансформации и советизации латвийского языка анализируются в настоящей статье.

Ключевые слова: Латвия, латвийская идентичность, национализм, латвийский язык, советская оккупация, советизация

The language plays one of major roles in development of nationalism and national identity. Latvian language was one of determinatives in development of modern Latvian nation. In a soviet period Latvian language was one of belonging markers to Latvian nation. On the other hand, in Soviet period Latvian language was exposed to considerable forced Sovietization. The problems of Latvian language transformation and Sovietization are analyzed in this article.

Keywords: Latvia, Latvian identity, nationalism, Latvian language, soviet occupation, Sovietization

Мова грає одну з найважливіших ролей в розвитку націоналізму і національної ідентичності. Латиська мова була одним з визначальних чинників в становленні і розвитку модерної латиської нації. У радянський період латиська мова була одним з маркерів приналежності до латиської нації. З другого боку, в радянський період латиська мова була піддана значній примусовій радянзації. Проблеми трансформації і радянзації латиської мови аналізуються в статті.

Ключові слова: Латвія, латиська ідентичність, націоналізм, латиська мова, радянська окупація, радянська

В европейской истории XX века развивались различные идентичностные и политические проекты, имеющие в качестве своих целей утвердить и доказать существование тех или иных политических групп, наций и сообществ. Латвийская история не является исключением из этого универсального правила в развитии национализма. На протяжении XX века существовало несколько различных идентичностных проектов в Латвии, результаты которых диаметрально противоположны в силу того, что их форматоры и теоретики ставили различные политические. Среди них мы можем упомянуть несколько проектов, которые ставили своей целью перестроить национальную идентичность, активно используя в том числе и национальный язык¹, сформировав новые политические культуры и специально культиви-

руя политические лояльности. Язык, как полагает Э. Хобсбаум, наряду с религией, может стать универсальным мобилизационным фактором в «различных обстоятельствах с различными целями»². Среди таких проектов было немало тех, которые в силу исторических и политических обстоятельств потерпели крах. В контексте этих проектов особую роль играет тот, который оказался связан с попытками формирования особой социалистической идентичности латышской политической нации как нации не только советской, лояльной Москве, но и ортодоксально верящей в коммунизм.

В период советской оккупации латышский язык, подобно языкам других народов Советского Союза, подвергся не только принудительной политизации и идеологизации³, но и стал отражением новых советских реалий, советской действительности, принесенной в Латвию в результате ее включения в состав Советского Союза. С другой стороны, именно язык⁴ оставался одним из последних оплотов идентичности перед угрозой советизации и ее последствием - русификацией. Российскими исследователями подчеркивается важность изучения того, как «соотносятся в целом язык и реальность, какая между ними существует связь, если вообще существует»⁵. Комментируя важность языкового фактора в развитии национализма, Дж. Джозеф подчеркивает, что «неизменной темой исследований национальной идентичности последних четырех десятилетий было определяющее значение языка в ее формировании»⁶. С другой стороны, язык играет чрезвычайно важную роль в развитии национализма и связанных с ним идентичностей. Язык может служить «основой, если не гарантией, величия и отличия тех славных исторических моментов и эпох, когда он используется»⁷.

В связи с этим в контексте растущей идеологизации латышского языка в период советской оккупации, годы с 1940 по 1990 мы можем интерпретировать как время кризиса и упадка языка. Латышский язык не был исключением. Начиная с 1940-х годов, многие авторитетные европейские интеллектуалы констатировали элементы кризиса и определенные черты стагнации в существовании и функционировании национальных языков. Джордж Оруэлл, комментируя состояние родного для него английского языка, подчеркивал, что «в настоящее время состояние английского языка оставляет желать лучшего, однако вместе с этим ясно, что едва ли даже сознательные меры помогут исправить данное положение дел. Современная цивилизация находится в состоянии упадка, и наш язык – как показывают факты – тоже неизбежно движется к своему разрушению»⁸.

Советские политические реалии оказали значительное влияние на развитие национальных языков. Анализируя фактор политического воздействия на национальный язык и отражение политического процесса, т.е. реальности, в языке, во внимание следует принимать ряд существующих интерпретаций отношений языка и мира. Первая концепция была предложена Б. Расселом, полагавшим, что язык в определенной степени способен отражать реальность. Вторая точка зрения связана с исследованиями Л. Витгенштейна, полагавшего, что язык связан с реальностью, но не является ее полным отражением. Третья концепция связана с работами Р. Карнапа, который высказывал мнение, что язык не связан с существующей реальностью. В отношении латышского языка периода советской оккупации применимы, вероятно, все три концепции: латышский язык, подвергнутый принудительной советизации, отражал некоторые формы реальности, с другими он был связан, а к третьим не имел отношения.

На протяжении пятидесятилетнего периода вынужденного пребывания в СССР в латышском языке возникла лексика, призванная отражать советские реалии, которая отразилась в словарях⁹ и различных учебных изданиях¹⁰. Политизация латышского языка привела к значительным изменениям в самом статусе и в применении языка. Комментируя процессы политизации национальных языков в XX веке, британский историк Э. Хобсбаум подчеркивал, что люди перестали жить «в мире, где идея единого всеобщего национального языка вообще выполнима, то есть мы живем в неизбежно многоязычном мире»¹¹. В Латвии ситуация отягощалась и тем, что латышский язык в период советской оккупации перестал быть единственным национальным, но в большей степени трансформировался в политически выверенный язык, предназначенный не только для коммуникации между латышами как носителями одной идентичности, но и став языком общения между строителями коммунизма.

Именно в подобной ситуации латышским языковедам в период советской оккупации было не до языкового пуризма¹² по причине возможных обвинений в буржуазном национализме. В условиях советской оккупации в Латвийской ССР принудительно было установлено фактическое двуязычие, что привело к сложению негласной иерархии языков¹³, которая привела к тому, что латышский язык трансформировался в соответствии с политическими нуждами, а латыши были вынуждены вступать в партию, участвовать в «atklāta partijas sapulce» («открытое партийное собрание»)¹⁴ и в «kulturas masu darbs» («культурно-массовая работа»¹⁵), разделять и развивать идеи «karujošais materialisms» («воинствующий материализм»¹⁶), участвуя в

«komunistiskā audzināšana» («коммунистическое воспитание»¹⁷) новых поколений в частности и масс в целом. Партийная лексика в авторитарных обществах советского типа имела большое значение в силу того, что СССР относился к числу тех стран, где «социальная судьба» подобно другим недемократическим режимам определялась членством если не «в этнической и религиозной группе»¹⁸, то в партийной организации. Латыши были вынуждены не только «audzināt jaunatni komunisma gaismā» («воспитывать молодежь в духе коммунизма»¹⁹), понимая события в «marksistiskā apgaismojumā» («в марксистском освящении»²⁰), но и читать «centralo laikrakstu apskats» («озор центральных газет»²¹), приобретать «abonējamu literatūru» – подписную литературу, рисовать aģitācijas plakati (агитационные плакаты), но и волноваться о получении «apdzīvojamā platība» («жилая площадь»²²), а также нести политические повинности, принимая участие в «aģitācijas kampaņa» («агитационных компаниях»), занимаясь «aģitācijas masu darbs» (агитационно-массовой работой), становиться агитаторами (aģitators), объединяться в aģitbrigade (агитбригады), агитируя «par komunistu un bezpartejisko bloka kandidātiem» и участвуя в «antirelīģiska audzināšana антирелигиозное воспитание» масс²³. Латышам было предписано не только примать участие в программах «EGDA (Esi gatavs darbam un aizsardzībai)»²⁴, заниматься «socialistiskā īpašuma aizsardzība» («охрана социалистической собственности»²⁵), но и верить в то, что «PSRS gaisa kara flote ir stiprākā pasaulē» («военно-воздушный флот СССР сильнейший в мире»²⁶). Латышам, как и другим советским людям, было приписано вступать в профсоюзы, получать «arodbiedrības biedra karte» («профсоюзный билет»), объединяться в «arodbiedrības aktīvs» («профсоюзный актив»), формировать «arodkomiteja» («профком»), заниматься «arodbiedrības darbs» («профсоюзная работа»)²⁷.

Кроме этого латышский язык во второй половине XX века в значительной степени отразил политические изменения, которые имели место в Латвии и были связаны с включением страны в состав СССР. В подобной ситуации неизбежной стала политизация латышского языка. Процессы политизации языков Старого Света в XX столетии были крайне негативно восприняты европейскими интеллектуалами. Дж. Оруэлл, в частности, подчеркивал, что «в настоящее время становится ясно, что деградация языка в основном вызвана политическими и экономическими причинами, а не влиянием на него того или иного отдельно взятого писателя»²⁸. Пребывание в составе Советского Союза заставило латышский язык приспособиться к новой ситуации, что привело к появлению целого пласта уникальной лексики, которая от-

ражала особенности советской политической системы и государств Советского блока. Именно в условиях советизации Латвии и более позднем пребывании в составе СССР в латышском языке возникли такие слова, призванные отражать советскую действительность как *aģitkolektīvs* (агитколлектив), *aģitpunkts* (агитпункт), *apgādes aparāts* (снабженческий аппарат), *apgādes daļa* (отдел снабжения), *Galvenā aptieku pārvalde* (Главное аптечное управление), *Ķīnas Tautas Republikas Valsts administratīvā padome* (Государственный административный совет Китайской народной республики), *partijas apgabala komiteja* (областной комитет партии), *PSRS Ārlietu ministrija* (Министерство иностранных дел СССР), *PSRS Augstākā Padome* (Верховный Совет СССР), *PSRS Veselības aizsardzības ministrija* (Министерство здравоохранения СССР), *skolotāju metodiskā apvienība* (методическое объединение учителей), *vēlēšanu apgabala komisija* (областная избирательная комиссия), *Vissavienības Ļeņina Komunistiskā Jaunatnes Savienība (ВЛКСМ)*²⁹.

Комментируя роль языка в развитии национализма Дж. Джозеф подчеркивает, что «отсутствие национального языка является одним из наиболее серьезных препятствий, которое необходимо преодолеть при создании национальной идентичности»³⁰. В Латвии периода советской оккупации латышский язык существовал как национальный, но в условиях существования авторитарного политического режима с мощным идеологическим базисом был подвергнут принудительной идеологизации. Эта идеологизация имела самые различные проявления, но одной из ее форм была денационализация, то есть стремление трансформировать язык из национального языка в одну из форм социально-экономических коммуникаций в производственном процессе, то есть в строительстве коммунизма, которое официально было продекларировано в СССР в качестве одной из важнейших политических задач.

Особый пласт лексики в латышском языке, который возник в результате советизации и пребывания в составе СССР, связан с производством – производственными отношениями, советским типом экономики. Эти изменения сочетались с процессами русификации, которые медленно протекали в большинстве союзных республик. Для советской модели межязыковых отношений было характерно медленное вытеснение национальных языков русским. В случае сохранения СССР национальные языки были вытеснены полностью, как и в случае изменения демографической ситуации в постнациональной Европе. Комментируя подобные процессы, Э. Хобсбаум подчеркивает: «представьте себе, какими бы были последствия для Европы, если бы

хинди стал единственным языком общения в европейском парламенте, а *London Times*, *Le Monde*, *Frankfurter Allgemeine Zeitung* могли читать только те, кто знает хинди»³¹. В СССР универсальную роль хинди играл русский язык, а его доминирование неизбежно отражалось и на других языках народов Советского Союза. Латыши, объединенные в *kvalitates teicamnieku brigade* (бригады отличного качества), не только занимались *komunisma celtniecība*, но и были вынуждены считать *izstādes diena* (трудодень). Реалией советского сельского хозяйства в Латвии, которое было подвергнуто *lauksaimniecības kolektivizācija* (коллективизация), стали *bagāts kolchozs*, а сами латыши были вынуждены заниматься *atražošana* (воспроизводством), *komunisma celtniecība* (строительство коммунизма)³², периодически подводя *piecgades rezultāti* (итоги пятилетки)³³. Латыши в идеологизированном пространстве языка, сосредотачивая *ražošanas spēki* (производственные силы) и выполняя *ražošanas plans* (производственный план), превратились в участников «*ražošanas apspriede*» (производственное совещание) и «*ražošanas attiecības*» (производственные отношения), став «*ražošanas pirmrindnieki*» (передовики производства) в «*socialistiskā ražošana*» (социалистическое производство)³⁴. Доминирование производственной и социально-экономически маркированной лексики было призвано привить латышам своеобразный и идеологически выверенный оптимизм, веру в то, что «*PSRS rūpniecība gigantiski izagusi*» («в СССР гигантски выросла промышленность»), а *Ukraina ir PSRS maizes klēts* («Украина – житница СССР»)³⁵. В подобной ситуации латыши, участвуя сначала в *tautas saimniecības atjaunošana* (восстановление народного хозяйства), а позднее – в *tautas saimniecības attīstība* (развитие народного хозяйства)³⁶, не питали сомнений в том, что в СССР происходит «*tautas saimniecības tālākā augšupeja*» (дальнейший подъем народного хозяйства СССР)³⁷.

Советский Союз принадлежал к числу авторитарных государств, в котором доминировала однопартийная система. Включение Латвии в состав СССР привело к распространению на ее территорию однопартийной системы, что отразилось и на латышском языке, который был вынужден отражать партийную специфику советской государственности. Доминирование коммунистической идеологии, специфика советской национальной политики в союзных республиках привели к тому, что язык из «коллективного этнического маркера»³⁸ превратился в одну из идеологических характеристик, будучи низведенным до одного из средств идеологизации и пропаганды. В условиях доминирования однопартийной системы и коммунистической идеологии латыши были вынуждены *boļševizēt* свою страну или превращаться в

bezpartejiskais boļševiks (беспартийный большевик), становится Padomju Savienības Komunistiskās partijas biedrs (членами КПСС) или членами ВКП(б) (Vissavienības Komunistiskā (boļševiku) partija VK(b)P), aģitēt par komunistu un bezpartejisko bloka kandidātiem (агитировать за кандидатов блока коммунистов и беспартийных), заниматься ideoloģiskais darbs (идеологическая работа) и komunistiskā audzināšana (коммунистическое воспитание), изучать VK(b)P vēstures īsais kurss (Краткий курс истории ВКП(б/)), пребывать под boļševistiska vadība (партийное руководство), проявлять boļševistiskā modrība (большевистская бдительность) и большевистскую закалку (boļševistisks rūdījums), поддерживать komunistiskā morale (коммунистическая мораль), заниматься boļševistiska paškritika (партийная самокритика), праздновать boļševistiskās preses diena (День большевистской печати), вести cīņa par padomju laiteraturas partejiskumu (борьба за партийность советской литературы) и свято верить в то, что mūsu literaturai jābūt partejiskai (наша литература должна быть партийной)³⁹.

Избранные становились членами PSKP Centralā Komiteja (ЦК КПСС), в то время как большинство латышей были вынуждены следовать за PSKP СК aicinājumi (призывы ЦК КПСС), strādāt boļševistiski (работать по-большевистски), проявлять uzticība revolūcijas lietai (преданность делу революции) и uzticība tautai un partijai (преданность народу и партии). Латышам было предписано состоять в партийной парторганизации (partiajs pirmoorganizācija), формировать партийный актив (partijas aktīvs), соблюдать partejiskums и partijas pederība (партийность), верить в прогрессивные идеи (progresīvās idejas), жить по нормам komunistiskā pasaules uzskats (коммунистическое мировоззрение) и верить в то, что komunistiskā partija ir strādnieku šķiras avangards (коммунистическая партия – авангард рабочего класса). В Советском Союзе латыши были вынуждены проходить путь от partijas biedra kandidats (кандидат в члены партии) до partijas biedre (член партии). В условиях советской оккупации латыши были вынуждены голосовать за komunistu un bezpartejisko bloks (блок коммунистов и беспартийных), изучать труды makrsisma pamatlicēji (основоположники марксизма), принимать marksistiski-ļeņiniskā ideoloģija (марксистско-ленинская идеология). Латыши, вступившие в партию и получившие partijas biedre karte (партийный билет), становились partijas darbnieks (партийный работник), формировали partijas komiteja (партийный комитет) и partijas rajona komiteja (партийный районный комитет), участвовали в partijas sarulce (партийное собрание), partijas konference (партийная конференция), partijas kongress (партийный конгресс) и partijas celtniecība (партийное строи-

тельство), соблюдая *partijas disciplina* (партийная дисциплина) и следуя *partijas ģeneralā līnija* (генеральная линия партии). С другой стороны, в период оккупации культивировался идеологически выдержанный нарратив о том, что *mūsu partija, Ļeņina-Staļina partija, bauda mūsu zemes darbaļaužu bezgailīgu uzticību* (наша партия, партия Ленина-Сталина, пользуется безграничным доверием трудящихся нашей страны). Идея того, что *Padomju Savienības Komunistiskā Partija ir visu mūsu uzvaru iedvesmotāja un organizētāja* (КПСС – организатор и вдохновитель всех наших побед) также не вызывала сомнений у латышей, которых Советский Союз лишил возможности идеологического выбора.

Латышский язык в Латвии периода советской оккупации сформировал особый пласт лексики, связанный с образами двух создателей советского государства – В.И. Ленина и И.В. Сталина. Будучи оккупированной И. Сталиным, Латвия испытала на себе значительную часть проявлений культуры и идеологии «высокого сталинизма», в том числе – и в языке. Во второй половине 1950-х годов сталинский пласт в лексике постепенно начинает размываться, а роль ленинского пласта оставалась актуальной до начала 1990-х годов. В Советской Латвии латыши были вынуждены изучить сталинские «*Ļeņinisma jautājumi*» и собственно ленинские *Aprīļa tezes, augstu turēt Ļeņina-Staļina karogs* (высоко держать знамя Ленина-Сталина), отмечать *Ļeņina atceres diena* (День памяти Ленина), не забывать *Ļeņina novēlējumi* (заветы Ленина) и верить в *visu uzvarošais ļeņinisma spēks* (всепобеждающая сила ленинизма). Ленинград фигурировал в политическом воображении советской эпохи как *revolūcijas šūpulis* (колыбель революции), а в работе приветствовался *ļeņiniskais stils*⁴⁰.

В политической версии латышского языка в Латвийской ССР особую роль играли и сталинские образы. Латыши жили в стране, о некоторых регионах которой можно было сказать, что они находятся *austrumos no Staļingradas* (восточнее Сталинграда), а сама *Staļingradas aiztāvēšana* (оборона Сталинграда) заняла прочное место в советской мифологии сталинской эпохи. В столице Латвии существовал *Staļina rajons*. Латыши жили в соответствии с нормами *Staļina Konstitūcija*, а в работе мог существовать *staļinisks stils*. Среди латышей были и *Staļina premijas laureats*, и *Staļina starptautiskās miera premijas laureats*. Латыши были вынуждены нести *Staļiniskā sardze* (сталинская вахта), изучать *biedra Staļina mācība par valodu* (учение товарища Сталина о языке), реализовывать *staļiniskais dabas pārveidošanas plāns* (сталинский план преобразования природы), а сам *biedrs Staļins* (товарищ Сталин) вос-

принимался как *Leņina darba ģenialais turpinātājs* (гениальный продолжатель дела Ленина)⁴¹.

Особую роль в развитии политической идентичности в Латвийской ССР, как было показано выше, играли т.н. революционные нарративы, призванные доказать значительную роль латышей в революционном процессе. Столь активное развитие революционной идеи в значительной степени отразилось и на функционировании латышского языка.

В политическом латышском языке периода советской оккупации сложился своеобразный и уникальный пласт лексики, роль которой сводилась к описанию революционного процесса, правильной с точки зрения лояльности режиму и коммунистической идеологии революционности латышей. В политическом воображении советской эпохи СССР фигурировал в качестве *socialistiskās revolūcijas dzimtene* (родина социалистической революции)⁴². В революционной лексики латышского политического языка в СССР, вероятно, следует выделять два пласта – исторический и связанный с современностью. Исторический пласт использовался для описания правильного, т.е. революционного прошлого латышского народа. В подобной ситуации в латышском языке возникли обороты типа *aizbarikadēt ielu* (забаррикадировать улицу), *barikadu cīņas* (баррикадные бои) или *masu akcijas* (выступления масс), *proletariata diktatura* (диктатура пролетариата)⁴³, которые активно использовались в качестве примеров в специализированных изданиях советского периода. Исторический пласт имел и иностранные коннотации, что связано, например, с образами К. Маркса и Ф. Энгельса, которые также фигурировали в языковом воображении периода советской оккупации, как создатели единственно правильной идеологии и как политики, которые *mācīja proletariatu arzināties savus spēkus* (учили пролетариат верить в собственные силы)⁴⁴. Часть революционной лексики была связана с Россией, что относится к термину *ārkārtējā komisija* (чрезвычайная комиссия)⁴⁵. Кроме этого латышские авторы снабжали словари политически и идеологически выраженными примерами, среди которых – *krievu revolūcionarais vējiens* (русский революционный размах)⁴⁶.

Среди другиз бесспорно правильных с идеологической точки зрения примеров были *revolūcionārā kustība* (революционное движение), *revolūcijas idejas* (революционные идеи), *revolūcijas svētki* (революционный праздник), *revolūcionāra darbība* (революционная деятельность), *revolūcionārs vējiens* (революционный размах)⁴⁷. Большая часть революционной лексики была связана с образами октябрьских событий 1917 года, которые в политической мифологии советского

периода фигурировали как Lielā Oktobra socialistiskā revolūcija или Великая Октябрьская социалистическая революция, которая позиционировалась в качестве наивысшей точки в развитии исторического процесса: «Zem Ļeņina partijas karoga apvienojās Krievijas strādnieki un zemnieki, kas ilgu gadu mocījās kapitālistu un muižnieku jūgā... Pēc Oktobra revolūcijas mūsu valsti apdraudēja dažādi ienaidnieki... Bet tauta Ļeņina vadībā izcīnīja uzvaru frontēs, atrisināja pārtikas problēmu, atjaunoja saimniecību un parādīja visai pasaulei, ka mēs esam īsti savas valsts saimnieki»⁴⁸. Именно с революцией в политическом латышском языке эпохи оккупации связан нарратив о том, что kapitalisma bojā eja un komunisma uzvara neizbēgama (гибель капитализма и победа коммунизма неизбежны)⁴⁹. С другой стороны, латыши были вынуждены не только отмечать lielie Oktobra svētki (Великий праздник Октября) и праздновать Lielās Oktobra socialistiskās revolūcijas gadadienu (годовщину Великой Октябрьской социалистической революции), но и верить в то, что Lielā Oktobra socialistiskā revolūcija iezīmēja jauna laikmeta sākumu cilvēces vēsturē (Великая Октябрьская социалистическая революция ознаменовала начало новой эры в истории человечества), Oktobra revolūcija ievadīja jaunu laikmetu cilvēces vēsturē (Октябрьская революция положила начало новой эре в истории человечества) и Lielās Oktobra socialistiskās revolūcijas uzvarai ir pasaulvēsturiska nozīme (победа Великой Октябрьской социалистической революции имеет всемирно-историческое значение)⁵⁰.

Современные исследователи национализма полагают, что «нация-государство все более упирается в высокие стены своей исторической и цивилизационной граничности, не позволяющей ей распространиться на все человечество в целом»⁵¹. Большинство исследователей связывает эту проблему с современными тенденциями развития постнационального мира, но истоки такой ситуации следует искать в советском прошлом, в том числе – и в советской национальной политике. Подобно тому как в современном мире принципы нации не могут повлиять на развивающиеся общества, в советский период от коммунистического влияния был охранен Запад. В такой ситуации конструкторы советской политической идентичности отказались от распространения советского проекта в мировых масштабах, сосредоточив свое внимание на союзных республиках. Именно поэтому в рамках советского политического воображения Советский Союз позиционировался как наиболее удачный вариант решения национального вопроса. В подобной ситуации в языках народов СССР сложился пласт в значительной степени идеологизированной и политизированной лек-

сики, призванной проиллюстрировать успехи и достижения национальной советской политики. Сама национальная политика (*nacionālā politika*) в СССР как многонациональном государстве (*daudznacīju valsts*) позиционировалась как *ļeņinski-staļiniskā*. В первой половине 1950-х годов актуальными были слова И. Сталина: «PSRS ir līdztiesīgu nacīju brīvpriekšējā savienība» («СССР есть свободный союз равноправных народов»). В качестве ее достижений признавалось создание *autonomā republika* (автономная республика) и *autonomais apgabals* (автономный округ), установление отношений дружбы между народами, например – *krievu un latviešu draudzība*, а также достижение *padomju tautas morālī politiskā vienība* (морально-политическое единство советских народов). Усиленно культивировались нарративы, что благодаря советской национальной политике у народов СССР сложилась новая культура – *nacionālā pēc formas un socialistiskā pēc saturā* (национальная по форме и социалистическая по содержанию). В политическом воображении Латвийской ССР особую роль играли нарративы, связанные с существованием *padomju tautu brālīga saime* (братская семья советских народов), *padomju tautu draudzība* (дружба советских народов)⁵².

В политической версии латышского языка периода советской оккупации особое внимание уделялось культивированию образа СССР как наиболее правильного и совершенного, идеального государства. Среди каналов культивирования идеи правильности и избранности Советского Союза, его мессианской роли были учебные издания латышского языка для нелатышей, а также словари, которые несли не только образовательную функцию, но и были средством последовательной идеологизации населения Латвийской ССР. В учебной и специализированной литературе, о которой речь шла выше, особая роль уделялась формированию идеологически выверенного и проверенного образа Советского Союза. В подобной ситуации усвоение лексики изувшими латышский язык было и усвоением политической идеологии, которая нередко имела характер лозунгов (*lai dzīvo mūsu socialistiskā Dzimtene!*), призванных привить *mīlestība uz socialistisko dzimteni* (любовь к социалистической родине) уверенность в правильности и непорочности *padomju iekārta* (советского строя)⁵³ и веру в то, что именно СССР является наиболее правильным государством. Эта правильность и избранность советской модели развития в политическом языке имела разные уровни.

В политическом и языковом воображении в Советской Латвии СССР фигурировал как государство, где *strādnieku šķīra strādā nevis kapitalistam, bet pati sev* (в СССР рабочий класс работает не на

капиталиста, а на самого себя), где все народы живут как draudzīga saime (дружная семья), где visa vara pieder tautai (вся власть принадлежит народу)⁵⁴. Советский Союз позиционировался как страна, которая покончила с социальной несправедливостью («muižnieku zeme pēc Lielās Oktobra socialistiskās revolūcijas tika nodota zemniekiem» – «помещичьи земли после Великой октябрьской социалистической революции были отданы крестьянам») и угнетением человека человеком («Padomju Savienībā likvidētas visas ekspluatatoru šķiras» – «в Советском Союзе ликвидированы все эксплуататорские классы»; «Padomju Savienībā nav antagonistisku šķiru» – «в Советском Союзе нет антогонистических классов»)⁵⁵. Идеологизированный язык, ставший средством политической пропаганды, играл значительную роль в формировании успешного образа СССР как страны более развитой, чем капиталистические государства: «rūpniecības attīstības tempu ziņā Padomju Savienība ir aizseigusies priekša kapitālistiskajām valstīm» («по темпам развития промышленности Советский Союз опередил капиталистические страны»)⁵⁶.

С другой стороны, правильность СССР в идеологизированном мире латышского языка проявлялась и в политике, которую проводил Советский Союз. Политика СССР воображалась как единственно правильная, miermīlīgā politika («миролюбивая политика»), а сам СССР фигурировал как страна, Коммунистическая партия и правительство которой neatlaidīgi īsteno vispārējā miera un starptautiskās sadarbības politiku, то есть проводят политику сотрудничества и мира. Именно поэтому СССР воображался как государство, которое является miera balsts visā pasaulē (оплотом мира во всем мире) и patiesas demokrātijas valstis (страной подлинной демократии)⁵⁷. Учебники и самоучители латышского языка, а также словари (латышско-русские и русско-латышские) были наполнены идеологически выверенными и проверенными примерами. Например, те, кто в советский период занимались изучением латышского словаря не только из партийной печати, но и словарей узнали то, что «boļševīku partija vadās no Ļeņina-Staļina lielās mācības» (партия большевиков руководится великим учением Ленина-Сталина)⁵⁸.

Пополняя свой словарный запас, изучавшие латышский язык, были вынуждены заучивать фразы глубоко политические, например: «Audzinādama jauno paaudzi padomju patriotisma garā, mūsu skola palīdz celt komunismu» («Воспитывая молодое поколение в духе советского патриотизма, наша школа помогает строить коммунизм»⁵⁹). Подобные процессы усиливали элементы кризисности в языке, и в этом отношении латышский язык не был исключением. Комментируя подобные

негативные последствия процесса политизации языка, Дж. Оруэлл подчеркивал, что «слово *фашизм* не имеет собственного значения, а всего лишь подразумевает "что-то нежелательное". Слова *демократия, социализм, свобода, патриотический, реалистичный, справедливость* имеют каждое по несколько значений, которые вступают в противоречие друг с другом. В случае со словом *демократия* не только не существует единого определения, но и все попытки создать его терпят крах»⁶⁰. Пребывание Латвии в составе СССР нередко сводилось к тому, что республика пребывает в состоянии *ceļš uz komunismu* – пути к коммунизму⁶¹. Чтение правильных с идеологической точки зрения учебников по латышскому языку, по мнению их авторов, должно было внушить тем, кто изучал латышский язык, то, что «*kulturas līmenis mūsu zemē ceļas ar katru dienu*» (культурный уровень в нашей стране повышается с каждым днем), «*grūtās cīņās izaugušais padomju cilvēks stingri stāv uz zemes*» (выросший в трудных боях советский человек твердо стоит на земле)⁶². У советских граждан не должен был вызвать сомнения и тот тезис советской идеологии, который сводился к тому, что «*Komunistiskās partijas vadība mēs esam uzcēlušī sociālismu un sekmīgi ceļam komunismu*» (под руководством Коммунистической партии мы построили социализм и успешно строим коммунизм)⁶³.

Функционирование образа СССР как наиболее правильной политической модели развития было невозможно без наличия в латышском политическом языке эпохи советской оккупации пласта, связанного с образами врага. Лексика, призванная описывать и обслуживать образ врага, в советском языковом воображении была чрезвычайно разнообразной. Образы врага и враждебности ассоциировались с Западом, связанным в советском сознании с капитализмом и империализмом. В этом контексте крайне негативные ассоциации латышей должна была вызывать *amerikaņu imperialistu aneksionistiskā politika* (аннексионистская политика американских империалистов) и сами *angļu un amerikaņu imperiālistu sulaiņi* (прислужники англо-американского империализма)⁶⁴. Запад представал в подобной системе координат как исторически неправильный мир, в котором существуют *antagonistiskas šķiras kapitalistiskajās valstīs* (антагонистические классы в капиталистических странах)⁶⁵. Усилиями форматоров советского идеологического дискурса Запад фигурировал как сугубо неправильный мир, в котором *buržuaziskā prese atrodas imperialistu kalpībā* (буржуазная пресса находится в услужении у империалистов), *buržuaziskajās valstīs ražošanas rīki pieder kapitalistiem* (в буржуазных странах орудиями производства владеют капиталисты)⁶⁶, существует

угнетение рабочего класса капиталистами (darbaļaužu ekspluatācija kapitalistiskajās valstīs), а «империалистические» правящие круги ведут «аннексионнистскую политику» (aneksionistiskā politika), колониальную политику (imperialistu agresīvā politika), агрессивную политику (imperialistu kolonialā politika)⁶⁷.

Запад представал как регион, зависимый в политическом воображении СССР от американского империализма. Поэтому языковое воображение сталинской эпохи породило целый ряд интересных языковых конструкторов типа maršalizēto zemju politiskā un ekonomiskā atkarība no amerikāņu imperialistiem (политическая и экономическая зависимость маршаллизированных стран от американских империалистов), šķiru antogonisms kapitalistiskajās valstīs (классовые антагонизмы в капиталистических странах), pēdējās krīzes ir parādība, kas kapitalisma apstākļos nav novēršama (периодические кризисы – явление неизбежное при капитализме)⁶⁸, а сам американский империализм фигурировал как универсальный «Другой», основанный на чуждых советскому миру явлениях – на господстве militaristu klikē (военная клика), monopolistiskais kapitalisms (монополистическом капитализме), nēģeru diskriminācija ASV (дискриминации негров в США)⁶⁹.

Помимо Запада в качестве «Другого» в политическом латышском языке эпохи «высокого сталинизма» фигурировал и «изменник Тито». Политическое поведение Тито описывалось идеологически выверенной языковой конструкцией: Tito un viņa klikē ir savas tautas interešu nodevēji (Тито и его клика являются предателями интересов своего народа)⁷⁰. В политическом латышском языке существовали и условно исторические враги, с существованием которых в СССР, согласно доминирующей идеологии, было покончено. В данном контексте речь идет о atrauktā pulība (мракобесии), atrauktā pulis (мракобесах) и классовыми врагами, разгромленными в годы гражданской войны. Слова baltgwards (белогвардеец) и baltgvaru sazvērestība (белогвардейский заговор)⁷¹ имели устойчивые негативные коннотации. Обитая в значительной степени идеологически выверенном пространстве латыши имели дело с социально неправильным прошлым, которое конструировалось советскими идеологами. В подобной ситуации они были вынуждены верить в то, что pirms revolūcijas mūsu zemē valdīja kapitālisti (до революции в нашей стране господствовали капиталисты) и другие категории, который обозначались родовым понятием šķiras ienaidnieks (классовый враг)⁷². Именно поэтому политический язык в Латвийской ССР активно порождал идеологизированные конструкторы типа kontrevolūcijas

sagrāve (разгром контрреволюции), который ассоциировался с тупиковостью несоветской модели развития, и lielvalstiskais šovinisms (великодержавный шовинизм)⁷³, игравший роль синтетического и собирательного образа неправильности характерной для капитализма. Несмотря на значительную степень унификации политического пространства, латыши в СССР, которые понимали то, что zemošanās ārzemnieciskā priekša nav padomju cilvēka cienīga (преклонение перед иностранщиной недостойно советского человека)⁷⁴, тем не менее, были вынуждены бороться с буржуазными пережитками, в частности – вести борьбу против buržuaziskā nacionalisma izpausmēm (проявлений буржуазного национализма), formalismu literatūrā un maksā (формализма в литературе и искусстве)⁷⁵. При этом политический язык прививал латышам веру в то, что kapitalistiskās verdzības važas (путы капиталистического рабства) имеют временный характер в силу того, что в условиях kapitalistiskās ražošanas anarchija (анархии капиталистического производства) имеет место kapitalisma trunēšana (загнивание капитализма) и поэтому kapitalisma neizbēgamā bojā eja (гибель капитализма неизбежна)⁷⁶.

С образами инаковости в политическом латышском языке периода советской оккупации был связан и особый антиимпериалистический пласт, который использовался для доказательства / описания того, что капитализм / империализм не имеют перспектив. В подобной ситуации доминирования коммунистической идеологии и почти полного отсутствия политических альтернатив латыши в идеологически выверенном советском обществе верили в agresoru politikas bankrots (банкротство политики агрессоров) и неизбежную победу антиимпериалистических (antiimperialistisks) сил, в освобождение apsiestās kolonijas tautas (угнетенных колониальных народов) и крах imperialistiskās valstis (империалистских государств), проводящих imperialistu diktata politika (политику диктата империалистов). В советизированной идентичности латышей Запад ассоциировался с reakcionārā prese (реакционная пресса) и revanša politika (реваншистская политика). Поэтому латыши, которые были вынуждены социализироваться в условиях недемократического советского режима, сочувствовали американским неграм, которые подвергаются rasu diskriminācija (расовая дискриминация), верили в kapitalisma vispārējā krīze (общий кризис капитализма) и крах kapitalistisko valstis kolonālā politika (колониальная политика капиталистических государств), kara kurinātāju cilvēknīšanas politika (человеконенавистническая политика поджигателей войны), вызванный nacionalās atbrīvošanās kustība (национально-освободительное движение)⁷⁷ угнетенных народов.

Именно в этой ситуации усилиями форматоров советской идентичности активно культивировался нарратив о том, что освобождение от «капиталистов» и «империалистов» будет иметь исключительно позитивные результаты. Параллельно нарративу о том, что *Krievijas imperija bija tautu cietums* (Российская империя была тюрьмой народов) развивался и тезис, согласно которому *no koloniālā jūga atbrīvojušās tautas sekmīgi attīsta savu ekonomiku un kultūru* (освободившиеся от колониального ига народы успешно развивают свою экономику и культуру). Успехи этих народов в советском политическом воображении связывались с *revolucionarās kustības pieaugums visās pasaules zemēs* (ростом революционного движения во всех странах) и тем, что *visas pasaules darbaļaudis cīnās par mieru un draudzību starp tautām* (во всем мире люди труда ведут борьбу за мир и дружбу между народами)⁷⁸.

В советский период учебные издания, посвященные латышскому языку (самоучители, учебники) и словари (латышско-русские, русско-латышские) были важной и действенной формой идеологизации общества, которые предлагали читателям-потребителям готовые идеологически выверенные, проверенные и правильные формулы-клише. Важность подобных конструкторов подчеркивалась Дж. Оруэллом, полагавшим, что постепенно большинство фраз, о которых речь пойдет ниже, «стали восприниматься как обычные словосочетания, но, тем не менее, они могут использоваться без потери образности. Но эти два класса разделяет громадная мусорная яма, в которой покоятся изжившие себя метафоры: они уже стали настолько обыденны, что не вызывают у нас ни малейшего шевеления мозгов, и употребляются просто потому, что освобождают людей от необходимости самостоятельно выдумывать какие-то замысловатые фразы»⁷⁹.

Цитаты, призванные отформатировать сознание изучавшего латышский язык, согласно политическим канонам советского авторитарного государства, могут быть разделены на несколько тематически связанных групп, а именно: 1) цитаты из Конституции, призванные доказать правильность советского государства; 2) цитаты из В.И. Ленина, служившие доказательством историчности и преемственности советской модели; 3) цитаты из И.В. Сталина, в наибольшей степени распространенные в словарях эпохи «высокого сталинизма»; 4) подписанные цитаты других деятелей СССР и анонимные цитаты или идеологически выверенные клише, роль которых сводилась к поддержанию доминирующей идеологии.

На протяжении существования Латвийской ССР значение подобных цитат постепенно сокращалось. В результате подобные предло-

жения, массово воспроизводимые в словарях и других учебниках латышского языка трансформировались, утрачивая их первоначальное идеологическое значение и предназначение, становясь подобными конструкциям в других языках «не истинными, не ложными, а буквально бессмысленными»⁸⁰. Американский лингвист Майкл Сильверстейн подчеркивает, что в любом языке возможно выделение т.н. «вербально выраженных понятий», которые используются носителями языка для достижения «согласия относительно культурных практик»⁸¹. В Латвии в условиях советской оккупации роль подобных конструктов в значительной степени изменилась. Они в большей степени использовались не для достижения культурного, но идеологического и политического согласия.

Первую группу цитат в составленной нами типологии образуют цитаты из Конституции. Конституция составителями словарей цитировалась активно. Цитирование Конституции преследовало цель формирования особой советской модели идентичности: «PSRS ir socialistiska strādnieku un zemieku valsts (PSRS Konstitūcija, 1.pants)» («СССР есть социалистическое государство рабочих и крестьян»); «Visa vara PSRS pieder pilsētu un lauku darbaļaudīm darbaļaužu deputātu Padomju personā (PSRS Konstitūcijas 3.pants)» («Вся власть в СССР принадлежит трясящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся»)⁸². Цитаты из Основного Закона были призваны сформировать правильный образ Советского Союза, как страны, в которой соблюдаются свободы граждан: «Brīvība piekopt reliģiskus kultus un antireliģiskas propagandas brīvība ir visiem pilsoņiem» (PSRS Konstitūcija, no 124. panta)» («Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами»). Конституция была призвана показать и необратимость тех изменений, которые произошли в СССР, беальтернативность несоветских моделей развития: «Kolchozu aizņemto zemi nostiprina to bezmaksas un beztermiņa lietošanā, tas ir, uz mūžīgiem laikiem (PSRS Konstitūcija, 8. pants)» («Земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в бесплатное и бессрочное пользование, то есть навечно»). Цитаты из Конституции были призваны способствовать и формированию советского патриотизма, укреплению советской идентичности: «Tēvijas aizsardzība ir katra PSRS pilsoņa svēts pienākums (PSRS Konstitūcija, no 133. panta)» («Защита Отечества есть священный долг каждого гражданина»)⁸³. Цитаты из советской Конституции имели важное политическое и идеологическое значение, а их роль сводилась к усилению идентичности, выстроенной в системе преимущественно идеологических координат. К цитатам из Конституции, которые в тек-

сте фигурируют именно как цитаты, тематически и содержательно близки и некоторые другие фразы («PSRS ir valsts īpašums, tas ir, visas tautas manta» – «земля в СССР является государственной собственностью, то есть всенародным достоянием»; «socialistiskā sabiedrība uz visiem laikiem ir iznīcinājusi iespēju cilvēkam ekspluatēt cilvēku» – «социалистическое общество навсегда уничтожило эксплуатацию человека человеком»⁸⁴), приводимые в качестве примеров, но не позиционируемые как цитаты. Это относится к ряду примеров, которые мы можем найти в латышско-русских и русско-латышских словарях, изданных в первой половине 1950-х годов, которые были призваны не только способствовать расширению словарного запаса тех, кто изучал латышский язык, но и научить их правильным с идеологической точки зрения фразам, которые постепенно обрели едва ли не ритуальное значение.

Вторая группа цитат представлена цитатами из произведений создателя советской модели развития – В.И. Ленина. «Латышско-русский словарь», изданный в 1953 году, в период «высокого сталинизма», содержал немало цитат из текстов В.И. Ленина (Leņins). В частности, изучавшие язык узнавали, что «Avīze ir ne vien kolektīvs propagandists un kolektīvs aģitators, bet arī kolektīvs organizators» («Газета не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но и коллективный организатор»), «Bez revolucionaras teorijas nevar būt arī revolucionaras kustības» («Без революционной теории не может быть революционного движения»), «Komunisms – tas ir Padomju vara plus visas zemes elektrifikācija» («Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны»)⁸⁵.

Третья группа цитат, вероятно, является наиболее идеологически выверенной и представлена цитатами из работ И.В. Сталина (Staļins) от ставших классикой («Kadri izšķir visu» – «Кадры решают все»; «PSRS ir līdztiesīgu nāciju brīvprātīga savienība» – «СССР есть свободный союз равноправных наций») до сугубо идеологических посланий: «Kāda ir sabiedrības esamība, kādi sabiedrības materialās dzīves apstākļi, – tādas ir sabiedrības idejas, teorijas, politiskie uzskati, politiskie institūti» («Каково бытие общества, каковы условия материальной жизни общества, – таковы его идеи, теории, политические взгляды, политические учреждения»)⁸⁶. Слова Сталина цитировались с целью доказать уникальность СССР («Mēs, komunisti, esam īpaša veidojuma cilvēki» – «Мы, коммунисты, люди особого склада»), правильность советской модели развития («Kolchozu ceļš – vienīgi pareizais ceļš» – «Путь колхозов – единственный правильный путь»), историческую преемственность между ленинским и сталинским пластом в советской

политике («Ļeņinisms ir imperialisma un proletariskās revolūcijas laikmeta marksisms» – «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции»; «25 gadus audzināja biedrs Ļeņins mūsu partiju un izaudzināja to par visstiprāko un visnorūdītāko strādnieku partiju pasaulē» – «25 лет пестовал товарищ Ленин нашу партию и выпестовывал ее как самую закаденную в мире рабочую партию»). С другой стороны, словари начала 1950-х годов содержали и косвенные цитаты из И. Сталина («Nav neiespējami, - sacīja biedrs Staļins, - ka tieši Krievija būs tā zeme, kas laužīs ceļu uz socialismu» – «Не исключена возможность, - говорил товарищ Сталин, - что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму»; «biedrs Staļins nosaucis Marksa un Engelsa “Komunistiskās partijas manifestu” par marksisma augsto dziesmu» – «товарищ Сталин назвал “Манифест Коммунистической партии” Маркса и Энгельса песней песней марксизма»⁸⁷), призванные проиллюстрировать не только уникальность, но и правильность советской модели развития.

Четвертая группа цитат-клише является одной из наиболее многочисленных и представлена фразами, призванными идеологизировать политическое пространство и форматировать идентичность латышей в соответствии с нормами советского идеологического канона, внушить им уверенность в необходимости идти «zem Ļeņina un Staļina karoga, Komunistiskās partija vadībā – uz priekšu, uz komunisma uzvaru» («под знаменем Ленина – Сталина, под руководством Коммунистической партии – вперед, к победе коммунизма»⁸⁸). Это относится к цитатам «Краткого курса» (VK/b/P vēsture Īsais kurss): «Kā tas vēsturē vienmēr notiek, lielai sabiedriskai kustībai parasti pieklīst uz laiku “līdzskrējēji” bija arī tā saucamie “legalie marksisti”» – «Как всегда бывает в истории, к большому историческому движению обычно примазываются “временные попутчики”. Такими «попутчиками» были и так называемые “легальные марксисты”»⁸⁹; «Marksisma-ļeņinisma teorija nav vis dogma, bet gan vadone darbībai» – «Марксистско-ленинская теория есть не догма, а руководство к действию », а также из В. Молотова («Mēs dzīvojam tādā laikmetā, kad visi ceļi ved uz komunismu» – «Мы живем в ту эпоху, когда все пути ведут к коммунизму»), М. Горького («Rasu teorija ir mirstoša kapitalisma pēdējā ideoloģiskā rezerve» – «Расовая теория – последний резерв издыхающего капитализма»), К. Маркса («Reliģija ir opijs tautai» – «Религия – опиум для народа», «Nevis cilvēku arziņa noteic viņu esamību, bet gan otrādi – viņu sabiedriskā esamība noteic viņu arziņu» – «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их

общественное бытие определяет их сознание»⁹⁰), которым придавалась в большей степени идеологическое значение.

Подводя итоги, следует принимать во внимание несколько факторов, относящихся к развитию и функционированию латышского языка в Латвийской ССР. Латышский язык функционировал в рамках авторитарного режима, активно им использовался в политических целях. Поэтому, латышский язык, начиная со второй половины 1940-х годов, был подвергнут принудительной и значительной советизации. Советский эксперимент с латышским языком не был первым опытом языкового манипулирования в политических целях в СССР: к моменту оккупации Латвии советизации были подвергнуты языки в других союзных республиках. В Латвийской ССР латышский язык сознательно использовался в качестве одного из средств политизации, коммунистической идеологизации и политической мобилизации общества. Нередко политизация языка обретала и крайние формы, выливаясь в культивирование чуждых норм, заимствованных из советского языкового политического дискурса. Латышский политический язык в Латвийской ССР был важнейшим средством создания особого интеллектуального пространства.

Вероятно, политический язык в Латвийской ССР оказался среди наиболее важных звеньев в той цепи, при помощи которой авторитарное общество сохраняло характерную для него идею гражданства, а, с другой, идеализируя свое прошлое, предлагало латышскому обществу будущее, хотя сфера применения и такого идеологизированного и политически отформатированного латышского языка в условиях оккупации постепенно сокращалась. Но, с другой стороны, латышский политический язык в ЛССР не был законченным проектом, подвергаясь постоянной ревизии, что выражалось в усилении политического контента языка и культивировании идеи лояльности СССР. Формирование и использование особого политического языка в общественном и культурном дискурсе Латвийской ССР было связано с попыткой выстроить особую латышскую социалистическую нацию со стоящей за ней левой идентичностью, которая опиралась бы на соответствующий интеллектуальный, культурный и идеологический бэк-граунд.

В развитии политического языка в ЛССР четко прослеживается советское влияние, что связано с транслированием по средствам перевода на латышский язык некоторых устойчивых формул, призванных описывать политические и идеологические явления, связанные с функционированием одной доминирующей политической партии,

противостоянием внешним идеологическим противникам, культивировании комплекса нарративов о социалистическом братстве...

Латышский политический язык был призван способствовать формированию новой политической идентичности, он должен был стать языком латышской социалистической нации. Но, развиваясь в авторитарном обществе, он не смог оказать достаточного сопротивления внутренним и внешним антиавторитарным вызовам. В результате кризиса СССР во второй половине 1980-х и восстановления политической независимости Латвии в начале 1990-х годов необходимость в этом особом политическом языке отпала. С другой стороны, анализ латышского политического языка будет позитивно влиять на изучение исторического опыта латышского авторитаризма, расширяя наши представления об особенностях функционирования и воспроизводства недемократических обществ, их политического и национального воображения и интеллектуальной истории.

¹ Hutton C.M. *Linguistics and the Third Reich: Mother-tongue Fascism, Race and the Science of Language* / C.M. Hutton. – L. – NY., 1999; Joseph J.E. *Eloquence and Power: the Rise of Language Standards and Standard Languages* / J.E. Joseph. – L. – NY., 1987; Joseph J.E. *Language as Fiction: Writing the Text of Linguistic Identity in Scotland* / J.E. Joseph // *English Literatures in International Contexts* / eds. H. Autor, K. Stierstorfer. – Heidelberg, 2000. – P. 77 – 84.

² Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность / Э. Хобсбаум // *Логос*. – 2005. – № 4. – С. 56.

³ О процессах идеологизации языка в условиях существования авторитарного политического режима см.: Кирчанов М.В. *Изучение языка и идентичность (на примере языковых исследований в Чувашской АССР)* / М.В. Кирчанов // *Studia Türkologica. Воронежский тюркологический сборник*. – Воронеж, 2007. – Вып. 1. – С. 92 – 101; Кирчанов М.В. *Национальная идентичность, национализм и язык (на примере Молдавской ССР 1950 – 1980-х годов)* / М.В. Кирчанов // *Национализм в Большой Восточной Европе. Хрестоматия оригинальных текстов и исследований* / сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – С. 258 – 268. – (http://ejournals.pp.net.ua/Id/0/96_jYl.pdf); Кирчанов М.В. «Die Kommunisten – entschiedenste kraft in den kampf unserer zeit»: идеологические доминанты в географии «политического» немецкого языка в ГДР середины 1980-х годов / М.В. Кирчанов // *Германия и Россия: события, образы, люди. Сборник российско-германских исследований*. – Воронеж, 2008. – Вып. 6. – С. 115 – 126; Кирчанов М.В. *Wir sind die glücklichsten Kinder und leben im herrlichsten Land: идеологические образы и внутренний мир советского учебника немецкого языка во второй половине 1960-х годов* / М.В. Кирчанов // *Германия и Россия: события, образы, люди: сборник российско-германских исследований* / отв. ред. С.В. Кретинин. – Воронеж, 2010. – Вып. 8. – С. 54 – 63.

⁴ О языке как факторе в развитии национализма см.: Fishman J.A. *Language and Nationalism: Two Integrative Essays* / J.A. Fishman. – Rowley, 1972; Fishman J.A. *Language, Ethnicity and Racism* / J.A. Fishman // *Language and Ethnicity in Minority Sociolinguistic Perspective*. – Clevedon, 1989. P. 9 – 23; Fishman J.A. *Reversing Language Shift: Applied and Theoretical Foundations of Assistance to Threatened Languages* / J.A. Fishman. – Clevedon, 1991; Fishman J.A. *Interpolity Perspective on the Relationships between Linguistic Heterogeneity, Civil Strife and Per Capita Gross National Product* / J.A. Fishman // *Journal of Applied Linguistics*. – 1991. – No 1. – P. 5 – 18.

⁵ Макеева Л. Язык и реальность / Л. Макеева // *Логос*. – 2006. – № 6. – С. 3.

⁶ Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность / Дж. Джозеф // *Логос*. – 2005. – № 4. – С. 22.

⁷ Фишман Дж. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни / Дж. Фишман // *Логос*. – 2005. – № 4. – С. 134.

⁸ Оруэлл Дж. Политика и английский язык / Дж. Оруэлл // *Политическая лингвистика*. – Екатеринбург, 2006. – С. 280. – (<http://www.philology.ru/linguistics1/orwell-06.htm>)

⁹ *Latviešu-krievu vārdnīca / sast. autoru kolektīvs*. – Rīga, 1953 (далее в сносках: LKV); *Krievu-latviešu vārdnīca / red. H. Zvaigznīte*. – Rīga, 1950 (далее в сносках: KLV).

¹⁰ *Самоучитель латышского языка*. – Рига, 1989 (далее в сносках: СЛЯ)

- ¹¹ Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность / Э. Хобсбаум // Логос. – 2005. – № 4. – С. 55.
- ¹² О пуризме как факторе развития языкового национализма см.: *The Politics of Language Purism* / eds. B. Jernudd, M. Shapiro. – Berlin, 1989.
- ¹³ О языковой иерархии подробнее см.: Фортъе А.-М. Язык и идентичность квебекцев итальянского происхождения / А.-М. Фортъе // Логос. – 2005. – № 4. – С. 189 – 200.
- ¹⁴ LKV. – 53. lpp.
- ¹⁵ LKV. – 325. lpp.
- ¹⁶ LKV. – 101. lpp.
- ¹⁷ KLV. – 80. lpp.
- ¹⁸ О подобных обществах см.: Тамир Ю. Класс и нация / Ю. Тамир // Логос. – 2006. – № 2. – С. 42.
- ¹⁹ LKV. – 163. lpp.
- ²⁰ LKV. – 42. lpp.
- ²¹ LKV. – 52. lpp.
- ²² LKV. – 41. lpp.
- ²³ LKV. – 15., 18. – 19. lpp.; KLV. – 9., 19. lpp.
- ²⁴ LKV. – 147. lpp.
- ²⁵ LKV. – 27. lpp.
- ²⁶ KLV. – 95. lpp.
- ²⁷ LKV. – 59. lpp.
- ²⁸ Оруэлл Дж. Политика и английский язык / Дж. Оруэлл // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – С. 280. – (<http://www.philology.ru/linguistics1/orwell-06.htm>)
- ²⁹ LKV. – 17. – 19., 41. – 42., 55. – 56., 247. lpp.
- ³⁰ Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность / Дж. Джозеф // Логос. – 2005. – № 4. – С. 25.
- ³¹ Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность / Э. Хобсбаум // Логос. – 2005. – № 4. – С. 56.
- ³² LKV. – 72., 86., 101., 109., 131., 301. lpp.
- ³³ KLV. – 332. lpp.
- ³⁴ LKV. – 53., 77., 514. lpp.
- ³⁵ KLV. – 236. lpp.
- ³⁶ LKV. – 65., 78. lpp.
- ³⁷ LKV. – 82., 143. lpp.
- ³⁸ Фортъе А.-М. Язык и идентичность квебекцев итальянского происхождения / А.-М. Фортъе // Логос. – 2005. – № 4. – С. 194.
- ³⁹ LKV. – 19., 33., 84., 94., 96., 99., 121., 173., 174., 177., 181., 273., 274., 437., 692. lpp.; KLV. – 8., 51., 631., 691., 692., 792., 839. lpp.
- ⁴⁰ LKV. – 50., 63., 249. lpp.; KLV. – 119., 194., 361., 401. lpp.
- ⁴¹ LKV. – 29., 83., 118., 301., 317. lpp.; KLV. – 63., 853., 908., 988., 1167. lpp.
- ⁴² KLV. – 1043. lpp.
- ⁴³ LKV. – 19., 33., 89., 133. lpp.
- ⁴⁴ KLV. – 1135. lpp.
- ⁴⁵ LKV. – 59. lpp.
- ⁴⁶ KLV. – 1053. lpp.
- ⁴⁷ KLV. – 183., 196., 1027. lpp.
- ⁴⁸ СЛЯ. – С. 89.
- ⁴⁹ KLV. – 340. lpp.
- ⁵⁰ LKV. – 203., 205., 399. lpp.; KLV. – 330., 836. lpp.
- ⁵¹ Мартьянов В. Строительство политической нации и этнонационализм / В. Мартьянов // Логос. – 2006. – № 2. – С. 95.
- ⁵² LKV. – 84., 100., 102. – 103., 123., 139., 155., 315., 341., 345. lpp.; KLV. – 512. lpp.; СЛЯ. – С. 17.
- ⁵³ LKV. – 146., 185. lpp.; KLV. – 19., 351. lpp.
- ⁵⁴ KLV. – 787., 952., 1085. lpp.
- ⁵⁵ LKV. – 342. lpp.; KLV. – 333. lpp.
- ⁵⁶ СЛЯ. – С. 233.
- ⁵⁷ LKV. – 87., 334. lpp.; KLV. – 761., 785. lpp.; СЛЯ. – С. 95.
- ⁵⁸ KLV. – 1051. lpp.
- ⁵⁹ СЛЯ. – С. 317.
- ⁶⁰ Оруэлл Дж. Политика и английский язык / Дж. Оруэлл // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – (<http://www.philology.ru/linguistics1/orwell-06.htm>)

-
- ⁶¹ KLV. – 333. Ipp.
- ⁶² LKV. – 109. Ipp.; СЛЯ. – С. 225.
- ⁶³ СЛЯ. – С. 232 – 233.
- ⁶⁴ LKV. – 36. Ipp.; KLV. – 887. Ipp.
- ⁶⁵ LKV. – 37. Ipp.
- ⁶⁶ LKV. – 255. Ipp.; KLV. – 86. Ipp.
- ⁶⁷ LKV. – 18., 149., 302., 360. Ipp.; KLV. – 18. Ipp.
- ⁶⁸ LKV. – 37., 324. Ipp.; KLV. – 726. Ipp.
- ⁶⁹ LKV. – 337., 340. Ipp.; KLV. – 200. Ipp.
- ⁷⁰ KLV. – 839. Ipp.
- ⁷¹ LKV. – 70., 87., 88. Ipp.
- ⁷² LKV. – 191. Ipp.; СЛЯ. – С. 86.
- ⁷³ LKV. – 308. Ipp.; KLV. – 371. Ipp.
- ⁷⁴ LKV. – 60. Ipp.
- ⁷⁵ LKV. – 149., 156., 345. Ipp.
- ⁷⁶ LKV. – 36., 353. Ipp.; KLV. – 246., 947. Ipp.
- ⁷⁷ LKV. – 37., 53., 63., 88., 114., 133., 207., 258., 271. Ipp.; KLV. – 29., 134., 519., 1025. Ipp.
- ⁷⁸ KLV. – 1048. Ipp.; СЛЯ. – С. 92, 228.
- ⁷⁹ Оруэлл Дж. Политика и английский язык / Дж. Оруэлл // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – (<http://www.philology.ru/linguistics1/orwell-06.htm>)
- ⁸⁰ Айер А.Д. Язык, истина и логика / А.Д. Айер // Логос. – 2006. – № 1. – С. 61.
- ⁸¹ Сильверстейн М. Уорфианство и политическое воображение нации / М. Сильверстейн // Логос. – 2005. – № 4. – С. 99 – 100.
- ⁸² KLV. – 171. Ipp.; LKV. – 120. Ipp.
- ⁸³ LKV. – 27., 37., 308. Ipp.
- ⁸⁴ KLV. – 294. Ipp.; LKV. – Rīga, 1953. – 149. Ipp.
- ⁸⁵ LKV. – 18. – 19., 149., 520. Ipp.
- ⁸⁶ KLV. – 335. Ipp.; LKV. – 241., 253., 306., 325. Ipp.
- ⁸⁷ KLV. – 728., 729., 918., 1097. Ipp.; LKV. – 271., 316. Ipp.
- ⁸⁸ LKV. – 260. Ipp.
- ⁸⁹ KLV. – 205., 803. Ipp.
- ⁹⁰ LKV. – 152., 274., 512., 518. Ipp.

ПЕРЕВОДЫ

Микола СКРЫПНИК

РЕЧЬ НА ИЮНЬСКОМ ПЛЕНУМЕ ЦК КП(б)У 2 – 6 ИЮНЯ 1926 ГОДА*

Товарищи, в своем выступлении тов. Шумский заявил, что докладчик тов. Затонский сделал свой доклад не по тезисам. Нужно отличать сами тезисы и характер доведения этих тезисов. Понятно, каждый докладчик может тем или другим способом доказывать тезисы, приводить те или другие иллюстрации, более или менее придерживаться пропорции или диспропорции в своем докладе. Дело не в этом, не в иллюстрациях, а в линии, что проведена в докладе, и в тезисах, что их защищают. И поэтому нужен нам более малый в нашем обсуждении вопрос, что стоит в повестке дня, обращать внимания на побочные вопросы, например: литературную дискуссию и отдельные изъясны того или другого писателя. Они могут быть использованы для иллюстрации, они имеют значение, но дело в главных вопросах, которые стоят перед партией, что отмечены в наших тезисах. Какие они? Я считаю, прежде всего, это есть определение самого главного вопроса – правильная ли была линия и работа партии в деле украинизации за прошлый год? Тезисы отвечают – правильная.

Второй вопрос – или нам нужно отречься от курса украинизации, который мы признали на прошлом пленуме ЦК, и как нам переводить этот второй основной вопрос. Тезисы говорят: мы не отречаемся ни в коем случае от задания, поставленное на предыдущих съездах и Пленумах ЦК. Но – и в этом есть новое... что дают нам тезисы. Мы сейчас проводим дифференцированный курс, дифференцируем задачи относительно украинизации... новое дает партии эти новые тезисы. Мы не можем с одной той же меркой подходить к разным отраслям общественной жизни, когда мы говорим об украинизации и о ее темпе. Темп украинизации мы должны регулировать в зависимости от того, где мы ее проводим: среди той части рабочего класса, что состоит из пролетариев-русских, или среди той части рабочего класса, что говорят на смешанном полуукраинском языке. Партия ставит себе

* Публикується по: Скрипник М. Промова на червневому пленумі ЦК КП(б)У 2-6 червня 1926р./М. Скрипник // Будівництво Радянської України. Збірник. Випуск І: «За ленінську національну політику». Харків, без дати. – С. 31 – 34. – (<http://vpered.wordpress.com/2009/10/01/промова-на-червневому-пленумі-цк-кпбу/>). Перевод с украинского языка М.В. Кирчанова. Печатается с сокращениями.

вопрос об украинизации полурусифицированных рабочих, об углублении линии украинизации, о приобщении к украинской культуре всех украинских рабочих, которые говорят на ломанном, полуукраинском языке. Вместе с тем мы должны твердо сказать, что не будет осуществляться никакой принудительной украинизации относительно российской части рабочей класса и вообще русских рабочих и крестьян. Здесь предстоит дело агитации, дело убеждения рабочих, что им очень нужно знание украинского языка, дело показа неминусимой необходимости украинизации. Экономика диктует безусловную неизбежность украинизации. Экономическое развитие приводит в ряды пролетариата все новые массы пролетаризированного крестьянства. Города, которые были до этого времени российскими, в результате объективных процессов станут украинскими. Рабочий класс тем и отличается от других групп общества, что он понимает темп общественной жизни и те причины, что ведут к этому, и сознательно ставит своей целью руководство этим процессом.

Рабочий класс Украины, в том числе и его русская часть, чтобы руководить этим экономическим неминусимым процессом, должна понять свои исторические задачи и овладеть украинским языком. Россиян-рабочих мы можем привести к изучению украинского языка, к украинизации, лишь путем пропаганды, потому что административными приказами, принудительными мероприятиями ее осуществлять нельзя.

Нужно осторожно осуществлять линию украинизации среди рабочего класса, особенно его российской части. Одновременно, мы в своих тезисах берем курс на... ускорение украинизации. Это является главным вопросом...

...Партия не согласилась с тем пониманием украинизации, что было в одной из статей в «Коммунисте» - «К вопросу об итогах украинизации», а именно: «для нашей партии украинизация советского аппарата никогда не была и не является самоцелью, а всего лишь средством теснейшей связи с украинскими массами и, в первую очередь, с крестьянством». Это неправильно, украинизация не только «средство» связи с массами, но также источник социалистического строительства. Не только источник и средство для связи, но средство для того, чтобы вместе массами двигаться вперед и подвигать их на пути социалистического строительства.

На одном из заседаний Политбюро я определял, что такое украинизация. «Украинизация это деятельность партии и советской власти, что ею руководствуется, чтобы подавленный и поработанный до Октябрьской революции украинский народ, рабочие массы организовали рабоче-крестьянскую государственность и этим самым вышли из со-

стояния притеснения, начали развивать культуру, поднимать ее на новый уровень и двигаться дальше по пути социалистического строительства».

Тезисы партии являются дальнейшим шагом партии в углублении и распространении понимания украинской культуры, а это стоит как задание перед партией. Эти тезисы говорят, что мы беремся на своих плечах обеспечить дальнейшее развитие украинской культуры — что это наше задание, задание партии и в первую очередь задание рабочего класса. Каким путем должны мы развивать эту украинскую культуру? На это тезисы отвечают четко. Такие задания, которые стоят перед партией в деле подъема украинской культуры, такой путь, по которому идет наша партия в своей борьбе за построение украинской культуры. Здесь товарищ Корнюшин во время речи тов. Шумского крикнул с места, что нужно строить украинскую культуру, «но только не самобытную». Это большая ошибка. У нашего народа... есть достаточно сил для того, чтобы взять этот процесс в свои руки и руководить им. Резолюция говорит: «партия выступает за самостоятельное развитие украинской культуры, за выявление всех творческих сил украинской культуры, за выявление всех творческих сил украинского народа»... Сейчас тов. Корнюшин поправляет, что он сказал о «неограниченной самобытности». Это другая вещь. Тезисы говорят: партия стоит за самостоятельное развитие украинской культуры, за выявление всех творческих сил Украины, но мы против провинциальной ограниченности. Это не есть задача той или другой культурной школы. Это есть задача партии. Партия же осуществляет это, но не путем борьбы, не путем противопоставления, не путем ненависти, но путем общего братского труда, путем строительства украинской национальной культуры как части международной пролетарской культуры. Вот какие указания должны мы дать нашим товарищам. Вот какой путь нашего культурного строительства, и этим путем должны идти... Этим путем вы должны пойти, а не путем противопоставления, не путем национального разъединения, национальной борьбы.

В тезисах отмечен еще один вопрос, который поставлен перед нами. Это вопрос – о руководящих кадрах партии, об их украинизации. Нужно твердо и решительно заявить, что никаким способом нельзя реализовать задачи украинизации без старых кадров, большевистских кадров нашей партии, лишь вместе с ними, их силами может партия реализовать те задачи, которые стоят перед нами. Это задание сейчас поставила жизнь...

...Вопрос «кто украинец?» - вопрос вообще лишний. Здесь товарищи спрашивали – кто есть украинец? Ответы разные... один ответ

дал тов. Тараненко. Он сказал: украинец – лишь тот, кто руководит действительным развитием украинской культуры... Национальность нельзя определять ни принадлежностью к партии, ни к линии партии. Поэтому мне кажется, что это вопрос о том, кто украинец, а кто нет – это излишние вопросы. Вопрос нужно поставить так: какую линию партия должна осуществлять в этом направлении; я думаю, что нам нужно здесь полнее отмежеваться от тех уклонов, которые возникли среди наших украинских писателей и среди нашей партии, когда они вопрос развития украинской культуры ставят в противовес вопросу развития пролетарской культуры других советских республик, в том числе и России... нужно принять тезисы и отбросить вопрос об отсрочке украинизации на какой-нибудь срок. В первую очередь нужно поставить это задачу перед нашими старыми партийцами, старым большевистским кадром.

**ЛЕВ ТРОЦКИЙ КАК ИДЕОЛОГ
УКРАИНСКОГО САМОСТІЙНИЧЕСТВА**
(один эпизод из истории IV Интернационала)*

Идею государственной независимости Украины Л.Троцкий впервые выразил в своей статье «The Ukrainian Question», опубликованной весной 1939 году в американском троцкистском журнале «Socialist Appeal» (тогда же она была перепечатана на русском языке в «Бюллетене Оппозиции»). В этом труде Троцкий подчеркнул важность украинского вопроса в международных отношениях: «Украинскому вопросу суждено в ближайший период играть огромную роль в жизни Европы. Недаром Гитлер с таким шумом поднял вопрос о создании „Великой Украины” и недаром, опять-таки, вон с такой воровской поспешностью снял этот вопрос».

В своей аргументации целесообразности выхода Украины из состава СССР Троцкий¹ подчеркивал, что в этом вопросе он является лишь последователем «ленинской национальной политики»: «Большевицкая партия не без труда, лишь постепенно, под непрерывным давлением Ленина усвоила правильное отношение к украинскому вопросу. Право на самоопределение, т.е. на отделение, Ленин относил одинаково как к полякам, так и к украинцам».

Троцкий обвинял в отказ от этого права на практике (не в теории, так как по Конституции 1936 года такая возможность была сохранена) «бюрократическую термидорианскую реакцию», управляемую Сталиным: «Нигде зажим, чистки, репрессии и все вообще виды бюрократического хулиганства не принимали такого убийственного размаха, как в Украине... Сталинская бюрократия возводит, правда, памятники Шевченко, но с тем, чтобы покрепче придавить этим памятником украинский народ и заставить его на языке Кобзаря слагать славу кремлевской клике насильников». Американский троцкистский журналист Морис Вильямс на этот счет отметил: «Союз Советских Социалистических Республик стал новой тюрьмой народов, наследником царизма и империализма».

* Публикуется по: Гірік С. Лев Троцький як ідеолог українського самостійництва (один епізод із історії IV Інтернаціоналу) / С. Гірік. – (<http://vpered.wordpress.com/2010/06/29/hirik-trotsky/>). Сокращенный перевод с украинского языка М.В. Кирчанова

Вспоминая о том, что Гитлер отказался от откровенной поддержки национальных устремлений украинства «в опасении вызвать дьявола, с которым затруднительно будет справиться», Троцкий резюмирует: «Нужен ясный и отчетливый лозунг, отвечающий новой обстановке. Я думаю, что таким лозунгом может быть в настоящее время только: Единая, свободная и независимая рабоче-крестьянская советская Украина». При этом, Троцкий подчеркнул перспективу входа Украины в состав обновленной советской федерации после уничтожения «бюрократического строя» в СССР.

Интересным является тот факт, что «единственную оппозицию выдвинутому Троцким лозунгу независимости Украины составила небольшая сектантская группа Ойлера». Г. Ойлер² характеризовал позицию своего оппонента как «националистический центризм», как «украинский национализм» и противопоставил его собственному «пролетарскому революционному интернационализму». Возражая постулату Троцкого о том, что Советский Союз ослабляется через существование в нем сталинского бюрократического аппарата, а не гипотетического выхода из его состава УССР («Ослабление СССР <...> вызывается теми, все возрастающими, центробежными тенденциями, которые порождает бонапартистская диктатура», «под господством бонапартистской бюрократии СССР неизбежно обречен на гибель»), Ойлер заявляет: «Наша позиция – не отделение части Советского Союза, где рабочие доведут до конца политическую революцию, не возвращение назад, но, вместо этого, защита Советского Союза путем распространения этой частичной победы на остальной Советский Союз и возобновление настоящей рабочей демократии». Ойлер в своей полемике выражал мнение, что «использовать лозунг права на самоопределение и национальный вопрос для уничтожения капитализма, для ослабления империализма – это не то же, что использовать национальный вопрос для отделения Украины от Советского Союза», то есть фактически легитимизировал применение двойных стандартов в борьбе с разными по природе империализмами (в отличие от Троцкого, Ойлер избегал характеристики политики сталинского СССР как империалистической). В своей полемике Ойлер не обратил внимания на слова Троцкого о недовольстве сталинской национальной политикой в Украине не только со стороны крестьянства (которое Ойлер называет «мелкобуржуазным» и соответствующим образом характеризует его интересы), но и пролетариата. Это дало ему повод обвинить Троцкого в том, что тот «ставит интересы мелкой буржуазии Украины выше интересов пролетариата и обороны Советского Союза».

Следует подчеркнуть, что цитируемая статья Ойлера написана уже после выхода второго труда Троцкого, посвященной украинскому вопросу. Именно во второй статье («Независимость Украины и сектантская путаница» – ответ на критику Ойлером первого труда) Троцкий поднял вопрос соотношения лозунга о независимости Украины и проблемы обороноспособности СССР: «Угрожать этой защите независимая Украина могла бы лишь в том случае, если бы она была враждебна не только бюрократии, но и СССР. Однако, при таком (явно ложном) предположении, как может социалист требовать удержания враждебной Украины в составе СССР». Этот же вопрос Троцкий поднимал и в своей полемике с представителями русской эмиграции (публикациями из журнала «Новая Россия», который контролировался А.Керенским): «Допустим, что отделение Украины действительно ослабляет СССР... Каждое государство, насильственно удерживающее в своих границах какую-либо нацию, считает, что ее отделение ослабило бы в экономическом и военном отношении это государство. Гитлер аннексировал Чехию и полуаннексировал Словакию именно потому, что это приводит к военному усилению Германии. Чем же критерий наших демократов отличается вот критериев Гитлера?».

Британский исследователь Фил Шарп³ подчеркивал, что Троцкий «отмечал потребность бороться за победу пролетарской революции на базе независимости», полагая, что Украине «необходимо отделиться от Советского Союза, если демократические стремления пролетариата и крестьянства будут реализованы». При этом, Троцкий радикально выступал против идей буржуазной демократии и «буржуазного национализма», подчеркивая их нежизнеспособность в «сравнительно бедной и отсталой Украине».

Американский историк Луис Проджэкт⁴ отметил, что цитируемые статьи не были последним словом Троцкого по украинскому вопросу. По словам историка, после начала Второй мировой войны лидер Четвертого Интернационала выражал мнение, что они не столь современные, поскольку он считал право наций на самоопределение не самоцелью, а тактическим шагом, необходимым в классовой борьбе при определенных объективных условиях.

Выдвигая лозунг независимости Украины, Троцкий подчеркнул, что он сделал это лишь «от своего собственного имени»... сам факт публикации его текстов по украинскому вопросу в изданиях, которые *de facto* играли роль официальных Четвертого Интернационала, свидетельствовал: этот лозунг был полуофициальным заявлением этой организации, а не только личной позицией ее лидера.

Таким образом, в 1939 году Лев Троцкий выдвинул лозунг отделения Украины от СССР с обязательным сохранением на ее территории социалистического «советского строя». Главной целью этого он называл ослабление таким образом господства «сталинской бюрократии». При этом, Троцкий выразил мнение о том, что независимая Украина не будет представлять собой угрозы безопасности СССР.

¹ Троцкий Л. Демократические крепостники и независимость Украины / Л. Троцкий // Бюллетень Оппозиции (Большевиков-ленинцев). – 1939. – №79-80 (Август-сентябрь-октябрь). – (<http://web.mit.edu/people/fjk/BO/BO-79.html>>), Троцкий Л. Независимость Украины и сектантская путаница / Л. Троцкий // Бюллетень Оппозиции (Большевиков-ленинцев). – 1939. – №79-80 (Август-сентябрь-октябрь). – (<http://web.mit.edu/people/fjk/BO/BO-79.html>>), Троцкий Л. Об украинском вопросе / Л. Троцкий // Бюллетень Оппозиции (Большевиков-ленинцев). – 1939. – №77-78 (Май-июнь-июль). – (<http://web.mit.edu/people/fjk/BO/BO-77.html>>)

² Oehler H. The Ukraine Question. A reply to Trotsky polemic / H. Oehler // Revolutionary History. – Vol.3. No.2 (Autumn 1990). – <<http://www.revolutionary-history.co.uk/backiss/Vol3/No2/Oehler.html>>

³ Sharpe P. Peasants, workers, and self-determination / P. Sharpe // Weekly Worker. – No.291. – June 3, 1999. – (<http://www.cpgb.org.uk/worker/291/peasants.html>>)

⁴ Project L. Trotsky, Ukrainian nationalism and Kosovo / L. Project. – (http://www.columbia.edu/~lnp3/mydocs/fascism_and_war/trotsky.htm>)

Научное издание

Российский журнал исследований национализма

2013, № 2

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 23.05.2013 г.
Тираж 100

394000, г. Воронеж,
Воронежский государственный университет
Московский пр-т, 88, корпус № 8
Факультет международных отношений
8 (4732) 39-29-31, 24-74-02
